

история о жизни женщины

Тернистый путь
к свету

Альвера Албул

Никто не может приглушить
свет, который светит изнутри

Майя Анжелу

18+

Альвера Албул

Тернистый путь к свету

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73376398

SelfPub; 2026

Аннотация

Руни Россер возвращается в родной Лондон и сталкивается с новыми сложностями. Особняк её семьи, доставшийся ей по наследству сильно пострадал во время войны, сама она обнищала, а мир вокруг переменялся. Теперь Руни предстоит адаптироваться к жизни в новом обществе и восстановить родную обитель. Для этого придётся сильно постараться, вспомнить о своих внутренних силах, приоритетах и талантах. А так же противостоять странным, противоречивым чувствам, которые вызывает в ней её новый знакомый.

Содержание

1 глава. Одинокая душа забытого города	5
2 глава. Жемчужины высшего света	58
3 глава. Сокровенная ложа золотого плода	82
4 глава. Песнопения богов смерти	121
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Альвера Албул

Тернистый путь к свету

Есть ли что-то мучительнее, чем предательство самого себя?

1 глава. Одинокая душа забытого города

Над Лондоном висело тусклое холодное солнце. Ветер сорвал с деревьев начавшую сохнуть листву и понёс её по улице куда-то вдаль. Осень только планировала прийти в Лондон, поэтому днём сохранялась приятная тёплая погода. Столица Англии сильно переменялась, это был совершенно другой город, и Руни с трудом его узнавала. С большим усердием она узнавала и саму себя. Прошедшие годы, война, жизнь в поместье, а затем во дворце Россер превратили её в абсолютно другого человека. Она не верила, что её воспоминания о богатом детстве в Нерис-Хаус реальны, что это не сказка, которую она когда-то читала, и не розыгрыш активного воображения. Серый особняк с забытыми окнами казался ей совсем не тем, что она хранила в воспоминаниях. Не было здесь ни запаха сандала, ни запаха роз. Дом сильно пострадал и обветшал, а вместе с ним и всё внутри Руни пришло в упадок. И пусть теперь она была не одна, знала, что в Золотом яблоке живёт её бабушка, но ей хотелось обрести прежний дом в стенах Нерис-Хаус. Закрыв печатную машинку, она отложила ключ в сторону и поднялась из кресла. Весь свой первый вечер она провела в кабинете своего отца, увлечённая воспоминаниями о молодости своей матери, но те-

перь, когда солнце клонилось к закату, ей было необходимо найти в доме место для сна.

В воздухе висела тяжёлая пыль, прохлада опустилась на плечи Руни, и она, пытаясь согреться, практически бегом поднялась на второй этаж. Не узнавая дом, в котором выросла и разглядывая обтёртые, шероховатые стены, она прошла по коридору и зашла в свою бывшую спальню. В ней она обнаружила несколько больничных коек. У некоторых из них провисла решётка, отсутствовали матрасы, и лежало только одно измученное одеяло. Кроме них в комнате ничего и не было. Ни шифоньера, ни косметического столика, ни ванны. Понимая, что выбора у неё нет, ко всему и думать о своих лишениях ей не хотелось, она подняла одеяло с пыльного пола, набросила его на кровать, не снимая туфель легла сверху и укрылась другим его концом. Было неудобно, решётка прогнулась под ней, и Руни словно оказалась в яме – сомнительное удовольствие, но это было лучшим, что мог ей предложить послевоенный Нерис-Хаус. Ко всему ей было очень страшно, заброшенный дом на окраине города был хорошей целью для вандалов, мародёров и просто бездомных людей, но Руни попыталась отбросить прочь нехорошие мысли и закрыла глаза, убеждая себя, что она где-то на юге под пальмой в гамаке.

Ветер свистел между досками, скрипел пол, казалось, дом живой и дышит. Его стены растягивались, как поднималась грудь при вдохе, а затем сужались, когда он словно выдыхал.

Так по крайней мере казалось Руни, и когда она почувствовала, что усталость берёт над ней верх, в её воображении вырисовалась её былая фиолетовая комната. Старая громоздкая мебель, произведённая ещё в середине прошлого столетия, тяжёлые занавески на застеклённых окнах, обои с цветами на стенах, трескучий звук из растопленного камина, и странное позабытое чувство тепла и безопасности. Сон практически полностью поглотил её, когда она вдруг услышала голос, который не слышала столько лет: "С возвращением домой!". Не веря ушам, Руни рывком подняла голову. Вокруг была ночная темнота.

– Мама? – спросила Руни у пустоты, но никто не ответил ей, и в этот же момент она испытывала самый настоящий ужас. Он окатил её волной, перехватывая дыхание и ускоряя сердце. Она вскочила с кровати и закричала на невидимого гостя:

– Привидений не существует!

Но потом она быстро взяла себя в руки. Понимая, что это следствие усталости и тяжёлых эмоциональных нагрузок в последние месяцы, и даже годы, она списала всё на игру воображения и уставший мозг. Глубоко вдохнув, медленно выдохнув и потерев виски, она прошла обратно к кушетке и вдруг услышала чужой голос. Он шёл с улицы и явно принадлежал мужчине. В тишине ночной окраины города было хорошо слышно любой звук, а из-за отсутствия стёкол в окнах, Руни стала случайным свидетелем чужого разговора.

– Да, вот этот дом, – говорил неожиданный гость, – бьюсь об заклад, он всё так же нежилой. У него нехорошая репутация, в газетах писали, что тут водятся призраки. Мы можем присвоить его себе, ну, или по крайней мере пожить здесь немного.

– В этой развалюхе? – послышался голос другого человека. – Верю, что когда-то это был прекрасный особняк, но сейчас понадобятся время и деньги, чтобы всё это восстановить. Даже в темноте видно, как он пострадал. Я не особо верю в мистику, предпочитаю силу денег, и могу сказать, что у нас их никогда на этот дом не хватит.

– Да, не хватит никогда, – согласился с ним собеседник, – но мы с тобой владеем несколькими квартирами в городе, их можно сдавать приезжим, а деньги вкладывать в ремонт.

– В ремонт нерентабельного особняка на окраине города? – уточнил мужчина с явной насмешкой в голосе. – Коммерсант из тебя никакой.

Раздался звон, а затем удар по металлу. Руни вздрогнула, но не подала звука. Она прекрасно поняла, что мужчина, огорчённый замечанием товарища в страстях, кинул в одно из окон то ли камень, то ли бетонный обломок, из-за чего разбил редко встречающееся в доме стекло, а затем видимо попал по водостоку. Руни стояла у окна, смотрела вниз, но её не было видно. Над особняком висела глубокая темнота, так как в округе не работал ни один фонарь. Скорее всего электрические сети с конца войны так и не восстановили, и при-

чиной тому было то, что в Гринвиче просто никто не жил.

Мужчин, стоящих у ступеней, Руни не видела. Но она очень хорошо их слышала. Они были уверены, что в нежилом районе Лондона подслушать их было некому, и говорили в полный голос, порой срываясь на достаточно эмоциональную речь.

– Ну что ты так сразу?! Когда-то этот особняк был символом целой эпохи. Он давал понять, как богата и уважаема семья, им владеющая. Посмотри на него – какое величие! Он не идёт ни в какое сравнение с тем, в каких условиях люди вынуждены жить сейчас. Квартиры. Маленькие, неуютные, скромные. А владеть таким дворцом – быть хозяином этой жизни.

Второй мужчина засмеялся, громко и раскатисто, явно совершенно не понимая, что ему пытается объяснить собеседник. А потом заговорил:

– Спускайся с небес на землю, нам нужно быть реалистами. Время таких особняков закончилось. Дешевле будет снести его и построить новый добротный дом, а не восстанавливать "символ ушедшей эпохи".

– Я вот думаю, – мужчина проигнорировал его замечание, – а ведь его владельцы, вероятно, обанкротились во время войны, или же погибли. Он никогда не будет вновь принадлежать им.

– Ну, кто знает, – судя по звукам щёлкнула зажигалка, и мужчина закурил.

– Ты хочешь пройти внутрь? – воодушевлённо спросил любитель особняков, и Руни почувствовала себя оскорблённой, так как принимать незваных гостей она не собиралась. Хватало того, что во время войны здесь был госпиталь – этот дом видел достаточно много чужих людей.

– А если он обрушится? – недоверчиво спросил его товарищ, и Руни, пытаясь разглядеть мужчин в ночной темноте, громко заговорила:

– Вы лучше бойтесь другого – я гостей не звала.

На мгновение в воздухе повисла тишина, которая быстро сменилась тихими ругательствами, но Руни хорошо их слышала. Она облокотилась на подоконник и смотрела вниз, на движущийся в темноте огонёк – горящую папиросу. Не сказать, что бескультурье мужчин оскорбило её, но их поведение у порога Нерис-Хаус раздражало. Новое время принесло с собой новые нравы, которые Руни совершенно не разделяла. Куда-то исчезли джентльмены, которые в присутствии дамы не смели использовать в речи ненормативную лексику, и появились они – бескультурные, невоспитанные, грубые мужчины.

– Чёрт возьми, барышня, ты напугала нас! – заговорил тот, что курил. – Спускайся вниз, понесла же тебя нечистая в этот дом.

– Да заткнись ты, идиот, – тихо и строго проговорил ему товарищ, – мы, видать, опоздали, и теперь дом эта бездомная эскамотировала.

– Не угадали, – продолжила Руни, начиная различать черты мужчин в слабом свете горящей папиросы, – я законный владелец особняка.

– Ну да, а я король Великобритании, – проговорил один из мужчин и раскатисто засмеялся.

Но Руни пропустила мимо ушей попытку оскорбить её. Дождавшись, когда смех стихнет, она продолжила:

– Перед Вами стоит особняк Нерис-Хаус, дом, принадлежавший семейству Россер, моё имя Руни О'Рейли Россер Хорсфорд.

– И где ж ты была столько лет?! – заговорил второй мужчина. – Особняк с конца войны стоит никому не нужный.

– У дальних родственников в Уэльсе, – холодно ответила девушка.

– С возвращением домой, – ответил он с явным недовольством, а затем мужчины, начав что-то тихо обсуждать между собой, направились вон от стен особняка. Руни было сложно понять, о чём они говорят, и вскоре она вообще перестала их слышать. Они удалялись от особняка, а Руни вновь осталась совершенно одна и вспомнила, что не так давно напугало её. Вглядываясь в пустоту комнаты и чувствуя себя при этом совсем глупой, она вернулась к койке и села на неё.

Нужно было спать. Следующий день должен был быть насыщенный на события и впечатления, и чтобы со всем этим справиться, она обязана была быть полна сил. Она вновь легла, укрылась, но сон более не шёл к ней. Перепуганная она

смотрела в темноту, слушала, как дышит дом, и надеялась, что усталость сломит её прежде, чем на горизонте начнётся рассвет.

Голосов она более не слышала, но расслабиться и уснуть было сложно. Руни казалось, что она плохо помнила голос матери, но сегодня ночью поняла, что с легкостью отличит его от миллиона других голосов. Его было невозможно забыть, пусть Глэдис была в её жизни не так долго, как ей бы того хотелось. И девушка лежала под одеялом и смотрела в пустоту, из которого мог вновь раздаться голос её матери, но не было слышно ничего кроме свиста ветра и треска половиц.

Руни задремала на какое-то время, но она не заметила этого. Когда на горизонте стало светлеть небо, она окончательно поняла, что уснуть больше точно не сможет. Она поднялась с кровати и выглянула в окно. Прохладный утренний ветер растрепал ей волосы, проник в самое нутро, и её передёрнуло от холода. Небо подёрнуло красным, и вскоре она увидела выкатывающийся огненно-оранжевый шар, от кого расползались яркие лучи, прогоняющие ночную темноту и прохладу. Удивительно, но солнце всё ещё было тёплым, и Руни вышла на улице, желая в нём согреться.

Первая ночь в Нерис-Хаус ей совершенно не понравилась. Пострадавший в войне особняк растерял прошлое очарование, но остался таким же важным для Руни. Обернувшись к его стенам, она огорчённо поджала губы. В свете пылающе-

го утреннего солнца он выглядел ещё более печально, словно он был потрёпанным белым лебедем, которого серьёзно ранили, и его тело покидала горячая красная кровь. Окна – пустые глазницы, поэтому дом освещался солнцем насквозь, пронзался им и выглядел так, что у Руни возникли мысли, что Нерис-Хаус никогда более не станет таким, каким был раньше.

Когда солнце полностью встало, а Руни окончательно отогрелась, она вернулась в дом. Хотелось есть, но в доме не было ничего, чем можно было утолить голод. И девушка поняла, что ей необходимо ехать в город. В этот момент она с ужасом осознала, что пока в дом так легко проникнуть, всё её имущество находится под постоянной угрозой, а терять свою печатную машинку она совершенно не хотела.

Её было необходимо спрятать, и так, чтобы ни один мародёр, даже хорошо знающий этот дом, не смог бы её отыскать. Ответ на этот вопрос пришёл к ней моментально, и она поспешила в кабинет своих родителей.

Руни помнила, какая она тяжёлая, изголодавшаяся она с огромным трудом убрала её обратно в ящик, а затем заперла его маленьким ключиком. Особняк Нерис-Хаус когда-то казался Руни огромным, но теперь она находила его домом средних размеров, осознавая, что с возрастом её ощущения пространства изменилось, более того, она понимала, что в доме есть лишь одно место, где можно было оставить печатную машинку. Глубоко вдохнув и собираясь с силами, она

взяла ящик за ручку и стянула его со стола. Вместе с ним ей предстояло подняться на третий этаж, а оттуда ещё выше – на чердак.

В воздухе висела пыль, пол скрипел под её ногами, казалось, каждый шаг заставлял пострадавший от рук войны дом ходить ходуном. Он как раненный солдат, стонал, вертел головой и как мог цеплялся за жизнь. В некоторых местах его каменные стены были покрыты мхом и лишайником, а уцелевшие окна со стороны заднего фасада были тусклыми и грязными. Двери в столовую и в швейную скрипели на ветру. Нерис-Хаус стоял на окраине города, глядя на Лондон, как будто наблюдая за миром, который когда-то был его собственным, но оставленный умирать в полном одиночестве.

Поднявшись на второй этаж, а это было не просто, так как печатная машинка весила около десяти килограмм, Руни бросила взгляд на ступени, которые вели к гостевым спальням, расположенным выше. Когда-то здесь на полу был голубой узорчатый ковёр, на который с лестницы упала Нерис Россер, в результате чего и погибла. Теперь здесь не было ничего кроме изуродованного, исцарапанного, местами оторванного паркета и узкой деревянной лестницы с покосившимися перилами. Глубоко вдохнув горькую пыль, она направилась дальше.

Третий этаж изначально был не так уютен, как два нижних, так как был построен при жизни гостеприимной бабушки Руни, но теперь он выглядел так, словно здесь никогда

не было жизни. Это по-настоящему печальное зрелище. Не было здесь былого величия и роскоши. Стены были покрыты трещинами, подтёками, а полы усыпаны осколками битого стекла и кусками штукатурки. На стенах и окнах облезла краска, в некоторые местах (в ближних спальнях) со стен свисали оборванные обои и некоторая проводка. Картина предстала перед Руни во всём своём унынии и безнадёжности, и она ощутила себя маленькой и беспомощной, ведь этот дом она просто обязана полностью восстановить.

Пройдя через этаж, Руни дошла до двери, которая скрывала от гостей ещё более узкую и крайне небезопасную лестницу, которая вела на чердак. Как и ожидала Руни, петли окислились, а поведшие стены зажали дверь, и открыть её никак не представлялось возможным. Вздохнув, одновременно подумав, что в этом доме её ждёт ещё много сюрпризов, она отставила печатную машинку и с решительным выражением лица ухватилась за дверную ручку. С силой она дёрнула дверь на себя, но та категорически отказывалась открываться. Руни сжала ручку обеими руками, готовясь к попытке открыть дверь используя всю оставшуюся у неё силу. С напряженным лицом и сосредоточенным взглядом Руни вновь дёрнула дверь. В этот момент она вскрикнула и отпрыгнула от неё, услышав странный шлепок совсем рядом с собой. Руни плохо понимала, что это может быть, с огорчением обнаружила, что возле двери со стены осыпалась штукатурка. Девушка прикладывала так много сил, что потребо-

жила и так пострадавшие стены.

– Нет, ты откроешься! – сердито обратилась она к двери. – Пусть я простою здесь весь день!

И Руни ударила по двери кулаком, после чего вновь ухватилась за ручку и потянула, теперь уже не только прикладывая силы, но и повисая на ней всем своим весом. Ладони девушки уже горели от сопротивления упёртой двери, но Руни отказывалась сдаваться. Работая как механизм, Руни упёрлась ногами в стену рядом с дверью, повисла на ручке и ритмично дёрнула её, в надежде, что дверь всё же откроется. В какой-то момент она услышала скрип, и заметила, что дверь всё же стала потихоньку высвобождаться от плена косяков. Совсем немного, но она двинулась с места, и Руни решила, глубоко вдохнув, всё же хорошенько дёрнуть дверь. И дёрнула.

В этот момент яркая вспышка боли охватила её голову, начиная с затылка, а затем она ощутила, что похожая боль растекается по верхней части её спины, и она определённо точно не может вдохнуть. Грохот сотряс дом в ту же секунду, а затем послышался громкий скрип. Руни, будучи с закрытыми глазами, плохо понимала, что произошло, но была точно уверена в том, что в правой своей руке сжимает дверную ручку.

Всё же, победив боль, Руни глубоко вдохнула и перевернулась со спины на колени, одновременно радуясь, что не сломала шею, влетев в угол противоположной стены. Дверь

была открыта, она всё ещё подпрыгивала от инерции после резкого открытия и удара об стену. В некоторых местах в коридоре дополнительно осыпалась штукатурка, а в одной из спален упала люстра. Руни не сразу поняла это, так как была не уверена, что слышала звон стекла, но убедилась в этом, когда заметила осколки хрустальных капель на полу возле себя. После падения люстра разлетелась в разные стороны с такой силой, что некоторые её части оказались в коридоре.

Руни почувствовала себя виноватой. Наверное, не будь она такой упёртой, у неё получилось бы сохранить люстру, которая висела тут ещё со времён молодости её бабушки. Но изменить сейчас что-то Руни уже не могла, поэтому отряхнув своё платье, она взяла вновь ящик с печатной машинкой и направилась к лестнице на чердак.

Дерево совсем иссохло, ступени резкой лестницы вверх совершенно не внушали Руни доверия. Но выбора у неё не было, причём ей не хотелось верить, что её бой с дверью оказался совершенно бессмысленным. Надеясь, что лестница не обрушится, она медленно и аккуратно поднялась наверх.

Руни поставила ящик на пол и огляделась. Здесь пыли было больше, чем в какой-либо другой части дома. Ко всему он отличался своими размахами, так как занимал почти всю площадь дома.

Повсюду лежали старые вещи, которые были забыты здесь много лет назад. Руни не помнила, чтобы когда-нибудь видела этот чердак таким грязным и запущенным, но её радо-

вало то, что здесь ещё остались вещи её матери и бабушки. Она прекрасно понимала, что в годы войны сюда так никто и не поднялся, а после – забаррикадированная дверь отказывалась впускать любого незваного гостя. Несмотря на пыль, Руни ощущала себя здесь по-настоящему комфортно, словно оказалась совсем близко к тому домашнему теплу, которым для неё всегда был наполнен Нерис-Хаус.

На чердаке было всего одно окно, небольшое, круглое, мутное. Руни подошла к нему и открыла, чтобы впустить немного свежего воздуха. Теперь среди коробок с вещами, кое-какой мебели, оставленного прямо на полу постельного белья, было необходимо найти место, где бы она оставила ящик с печатной машинкой. Руни начала с того, что передвинула несколько коробок, чтобы освободить пространство для ящика, но вдруг заметила отходящие деревянные доски у задней стены. Странные сомнения и даже лёгкая боязливость зародились в Руни, но она всё же подошла ближе и решила их сдвинуть.

Увиденное заставило её обомлеть. Она нашла самый настоящий тайник – за досками на полу лежал небольшой сундук, который показался ей удивительно лёгким, и она сочла, что это следствие того, что она уже привыкла носить тяжёлый ящик с печатной машинкой. Достав его, она поспешила заглянуть внутрь. Удивительно, но он был не заперт, и Руни почувствовала себя несколько тревожно, когда обнаружила в нём старую французскую красную помаду и такие же

жёлто-коричневые фотографии. В этот момент Руни поняла, что это лучшее, что могла подарить ей судьба, ведь на фотографиях были изображены её родители: мистер Энтин Уанхард и Глэдис Россер. Не веря глазам, она прижала их груди и по её щекам потекли горькие слёзы. К чёрту штукатурку и люстру в спальне, всё это стоило того, ведь теперь у неё есть несколько фотографий, где её родители ещё живы и счастливы. Красная помада, судя по футляру и горько-кислому запаху, когда-то принадлежала ещё её бабушке, и Руни, вытирая слёзы не могла понять, как это оказалось здесь, а не пропало вместе со всем, что когда-то было в доме.

Ответом на этот вопрос послужила записка на дне сундука, явно написанная кем-то из прислуги, кто оставался в доме до самого крайнего момента, пока дом не был передан Красному кресту. С ошибками, не поставленной рукой, на листе, вырванном из чьей-то записной книжки, было написано: «Мы знаем, что Вам дорого, мисс Руни». Это ещё больше тронуло её, и она вновь заплакала, усевшись на пол.

Когда эмоции отступили, она вернула сундук обратно, прощаясь с ним как с самой дорогой своей реликвией, а к нему рядом поставила ящик с печатной машинкой. В вещах чердака она нашла небольшую кожаную сумку и решила, что отправится в город с ней. В случае чего в неё можно будет сложить то, что она захотела бы купить. А после того, как она спустилась вниз, смогла закрыть за собой дверь так, чтобы в следующий раз смогла без прежних усилий открыть её.

Теперь можно было отправляться в Лондон. Голод окончательно взял вверх над Руни, и от этого ужасного чувства её даже начало мутить. Она вышла из дома, закрыв дверь за собой на тряпку, ощущая легкость и свободу, как будто сундук унес с собой все её печали и страхи. Теперь перед ней открывалась новая жизнь, полная возможностей и новых испытаний.

В город она направилась пешком. По пути она наблюдала за природой, которая менялась с каждым шагом. Зеленые луга Гринвича, которые были усыпаны редкими особняками, которые были ещё в худшем состоянии чем Нерис-Хаус, уступили место городским пейзажам, но её сердце оставалось наполненным тем же приятным чувством радости и облегчения. Родители, пусть они были только на фотографиях, подарили ей уверенность в собственных силах и в завтрашнем дне.

Лондон настолько переменялся, что Руни практически не узнавала его. И дело было не только в новых постройках, но и в совершенно другом представлении лондонцев о жизни. Разделение людей на сословия упразднилось, все теперь были примерно равны, и любой человек мог позволить себе ходить по одной улице с теми, кто до войны жили в неприличной роскоши. Это воодушевляло и смущало Руни в равной степени. Принять как факт, что любой горожанин, предки которого когда-то не являлись равноправными членами общества, теперь могли начать с ней непринуждённую беседу,

не чураясь разности происхождения, было сложно.

Руни относилась к интеллигентной части Лондона, перед которой необходимо соответствующе держаться, но при этом новый мир с его правилами будили в девушке собственное Россер любопытство. Она хотела изучить Лондон, ближе узнать его обитателей и уже привычный для них быт. Каждая вторая женщина была одета как истинная модница, а рядом с ней в кепке и с папиросой в руках стоял какой-нибудь мужчина. Но современная мода Руни совсем не нравилась. Шляпка котелок, как ей казалось, уродовала по-настоящему привлекательных женщин, а бесформенные платья без ясного силуэта превращали их всех в подобие деревьев без листвы. Именно поэтому сама она пусть и ходила в современном платье, но подшитом на поясице, чтобы подчеркнуть свою талию.

Это не могло радовать других женщин. Пока она шла по улице и искала место, в котором могла бы позавтракать, они смотрели ей вслед и тихо между собой общались, осуждая её за несоответствие моде. А их мужья, не скрывая интереса, изучали взглядами её наряд и про себя отмечали, как хороша эта женщина.

Война отразилась на Руни, как и в принципе на всей её стране, и девушка нередко думала о том, что могла бы выглядеть лучше, если бы не события последних лет, но, несмотря на это, Руни всё равно отличалась от своих сверстниц удивительной свежестью и блеском своих глаз. И пусть, когда

она видела своё отражение в витринах, самой себе она казалась измученной, задумчивой и мрачной, люди вокруг её видели энергичной, решительной и очень привлекательной. Её каштановые волосы, которые в военное время были коротко подстрижены, успели отрасти и теперь приятной волной падали на её плечи, а в глазах шоколадного цвета была видна внутренняя сила в общем коктейле с лёгким нравом.

Улица тянулась на запад и казалась бесконечной. Руни шла по ней разглядывая небольшие магазины, торгующие посудой, женской одеждой, мебелью, ювелирными украшениями или сувенирной продукцией, или же швейные и часовые мастерские, места по изготовлению ключей на заказ или по ремонту старых. И в итоге оказалась у порога небольшого кафе, которое было наполнено людьми в рабочей форме. Они спешили съесть всё, что было перед ними на столах, и на вошедшую внутрь Руни не обратили внимания. Внутри было светло, но тесно. Столы стояли практически вплотную друг к другу, и сильно пахло грязными телами. Вероятно, как предположила Руни, где-то на параллельной улице шло строительство какого-нибудь здания, и рабочие оттуда приходили сюда поесть перед сменой.

Пытаясь не акцентировать своё внимание на мужчинах, она прошла к раздаточному окну, из которого на неё смотрела женщина.

– Здравствуйте, сколько будет стоять позавтракать у вас? – спросила Руни, плохо понимая, по адресу ли она при-

шла.

– Смотря что Вы хотите на завтрак, мисс, – ответила ей женщина, и Руни, услышав это обращение, широко улыбнулась. Ей было приятно вновь ощутить себя "мисс", а не обычной городской девушкой.

– Я не знаю ваш ассортимент, ознакомьте меня, пожалуйста, – ответила Руни, и волосы на её затылке вдруг зашевелились. Причиной тому было то, что в кафе вдруг стало тихо. Настолько, что Руни услышала жужжание мухи, которая стучалась об стекло в надежде наконец-то оказаться на улице. Плохо понимая причину такой перемены, она обернулась через плечо и посмотрела на мужчин. Все они сжимали в руках свои ложки и пристально следили за Руни. Плохо понимая, как именно разрядить обстановку, она обратилась к ним:

– Доброе утро. Простите, что, вероятно, нарушила ваш традиционный завтрак в этом месте. Но я очень голодна и плохо знаю город. Подумала, что могла бы поесть тут.

– Да-да, мисс, – заговорила вновь женщина, и Руни перевела на неё взгляд всё ещё чувствуя себя очень неловко, – могу предложить Вам омлет, две жареные сосиски, два тоста и чай. И с Вас – пять фунтов стерлингов.

– Хорошо, я согласна, – ответила Руни и поспешила достать деньги. Она протянула их женщине, и та отдала ей сдачу:

– Садитесь за стол, когда будет готово, я позову Вас, мисс.

Руни благодарно улыбнулась и вновь развернулась лицом к залу. Кто-то из мужчин продолжил завтрак, кто-то уже ушёл, а кто-то тихо переговаривался между собой, бросая на Руни неодобрительные взгляды. Она, стараясь игнорировать это, прошла к освободившемуся столу и села за него. Она понимала, что люди её происхождения и образования тут не появляются, а привычные ей обороты речи с головой выдавали, кто она. Для рабочих Лондона она была диковинным животным, которое за время войны попало в Красную книгу. Она одновременно раздражала и привлекала их, и было сложно понять, какое чувство они испытывают в первую очередь. Сгорая под их взглядами, она смотрела на гладкую поверхность стола и ждала, когда её завтрак приготовят. Как вдруг к ней обратился один из мужчин:

– Мисс, – он на мгновение замолчал, а потом продолжил, – а как Вас зовут?

Она неуверенно подняла на него взгляд, и тот приподнял брови, давая понять, что ждёт ответа. Выглядел он так, словно всё внутри него ждало конфликта. По крайней мере грубости в ответ.

– Руни, сэр, – ответила она, а потом продолжила, – если обращаться так к Вам уместно.

– Я лорд, – ответил мужчина и засмеялся, сжимая в левом кулаке алюминиевую ложку, а затем зачерпнул ей что-то в своей глубокой тарелке.

– Приятно познакомиться, Лорд, – ответила Руни, и все

оставшиеся в кафе мужчины засмеялись.

Руни их теперь забавляла. Вероятно, они считали её глупой и слабой, неспособной защититься от насмешек, но сама она думала лишь о том, что в первую очередь она очень сильно хочет есть. Когда продавщица позвала её, она быстро поднялась и прошла к раздаточному окну. Женщина подала ей поднос, и Руни, быстро осмотрев свой завтрак, поблагодарила её и поспешила вернуться на своё место. Мужчины больше не трогали её, они только изредка бросали на неё взгляды, слабо улыбаясь и явно удивляясь тому, что несмотря на их поведение, она никаким образом не выказывала свою обиду.

Порция была огромной. Кафе явно работало, ориентируясь на мужчин тяжёлых профессий, поэтому у Руни на подносе стоял омлет на четырёх яйцах, тосты из больших кусков хлеба и увесистые сосиски. Только чай был подан в привычном для Руни объёме – в небольшой чашке. Съесть всё, что ей подали, за раз, девушка не смогла бы даже при большом желании, поэтому половину порции она сложила в салфетки и решила забрать с собой на ужин. Выходя на улицу, она подумала, что это очень хорошее место. За пять фунтов стерлингов она была сытой весь день.

Улица встретила её уже прогретым воздухом, солнце было уже достаточно высоко, а улицу быстро покидали люди. Мужчины и женщины спешили по местам своей работы, и когда Руни прошла по улице ещё километр, по пути ей встречались только дети и молодые мамы. В Лондоне начался но-

вый рабочий день. Оглядываясь вокруг, Руни вновь ощутила себя неловко, точно так же как недавно в кафе. Покусывая нижнюю губу и вертя на каблуке левую ногу, она старательно вспоминала адрес великобританского отделения The Times. Когда-то она пришла туда с заказом статей о Нерис-Хаус, о привидениях, населяющих его, а сегодня задумалась о том, что в обновлённом обществе, где каждый является шестерёнкой в большом механизме, и она обязана найти себе работу. Это прибыль, ко всему она поможет ей социально адаптироваться в послевоенном Лондоне. Удовлетворённая своим решением, она махнула рукой проезжающему мимо такси, и автомобиль поспешил остановиться.

Автомобили, которые теперь ездили по её городу (не военные тёмные и тяжёлые, а обычные гражданские) поражали Руни. Все они были разных форм и ярких цветов, а салон был большой и уютный. Оглядывая подъехавший аппарат, она задумалась, а сколько же стоит поездка на нём? Она наклонилась к приоткрытому окну водителя.

– Добрый день. Мне нужно добраться до офиса The Times. Подскажите, пожалуйста, сколько это будет стоить?

– Где-то четырнадцать фунтов стерлингов, мисс, – ответил ей мужчина, и Руни задумалась о том, что вполне может позволить себе этот путь, но обратно в Гринвич стоит добираться на альтернативном общественном транспорте – метро. Пусть спуск под землю у неё ассоциировался с военным временем, но проезд в нём стоял в разы дешевле.

– Я согласна, – ответила Руни и села в автомобиль.

Она назвала адрес, и автомобиль плавно тронулся с места.

Руни с интересом наблюдала за сменяющимися пейзажами за окном, удивляясь тому, как изменился город за последние годы. Вместо разрушенных зданий, которые она помнила с послевоенных дней, теперь возвышались новые, красивые и сверкающие стеклом высотные строения. Улицы были полны людей, и все они выглядели довольными и счастливыми. Словно не было голода, разрухи, потерь – для людей всё это осталось в прошлом, они вели полную и счастливую жизнь. Конечно, Руни догадывалась, что каждая семья хранит свою трагичную историю, но никто не спешил этим делиться.

Отправляясь в офис The Times, Руни могла ожидать чего угодно, но не того, что встретят её те же люди, что и несколько лет назад. Офис главной британской газеты располагался всё там же, возле одной из главных достопримечательностей столицы Англии – лондонского моста. Входя внутрь, она окинула холл внимательным взглядом, пытаясь найти различия между сейчас и тем, что было когда-то.

Без тени стеснения на одном из столов сидела женщина, потерявшая за годы прежнюю детскую очаровательность, а от этого окончательно посуровев. Закурив, она закинула ногу на ногу и уставилась на Руни своим тяжёлым тёмным взглядом, направленным из-под бровей. Её волосы были собраны на затылке, но на висках выбились непослушные волнистые прядки. На ней было платье цвета кофе с молоком,

на талии был широкий пояс, а на ногах чёрные блестящие туфли на высоком каблуке и с заострёнными носами. Руни моментально узнала её, но этот взгляд журналиста, который выискивает в каждом пришедшем повод для сенсации, заставил её замереть на месте. Она не смела пошевелиться.

– Не обращайтесь внимания! – крикнул кто-то Руни из другой части зала, и она невольно перевела взгляд. К ней шёл мужчина средних лет, но на висках его уже проступила лёгкая седина. В руках он держал чашку кофе, из которой сделал щедрый глоток, а только затем продолжил: – Она так ищет вдохновение. Меня зовут Энтони Бланш. Я здесь главный редактор. Чем я могу быть полезен?

– Мы с Вами уже знакомы, я мисс Россер, – Руни улыбнулась, – когда-то я работала с Марго, у меня были заказные статьи об особняке Нерис-Хаус.

– Что-то такое припоминаю, – с неуверенностью в голосе ответил ей мужчина, затем бросил косой взгляд на женщину, сидящую на столе, и вновь вернул внимание на Руни: – Что же привело Вас к нам снова?

– Я ищу работу, мистер Бланш, – ответила ему девушка, и в этот момент поняла, что это звучит слишком самонадеянно. Так это и оказалось, так как мужчина понимающе кивнул и ответил:

– Мы можем разместить объявление в следующем выпуске. Распишем всю необходимую информацию о Вас, включая образование, навыки, опыт.

Руни ощутила себя очень неловко, и при этом сама удивилась, откуда вдруг в ней столько страхов и неуверенности в себе. Она невольно вспомнила дворец в Северном Уэльсе и лишний раз убедилась, что с некоторыми родственниками лучше никогда не иметь знакомства.

– Мистер Бланш, я думаю, я выразилась не совсем верно. Я хочу работать здесь. Я понимаю, что у Вас есть определённые сомнения на мой счёт, так как я не имею необходимого опыта, но я хорошо пишу, у меня поставленный слог, и я быстро учусь.

– Вы хотите быть журналистом? – неуверенно спросил Энтони. Он словно не верил своим ушам, и очень хотел убедиться, что он услышал именно то, что сказала девушка.

– Да, – Руни кивнула.

– Что бы Вы сидели здесь подобно Марго? – теперь ему было весело, после того, когда он стал уверен в намерениях Руни, в ответ на её слова он мог только засмеяться, – Пугать наших читателей?

Руни ни капли это не оскорбило, но она невольно приподняла брови, удивляясь бестактности мужчины, но он жила в то время, когда даже мужчины с достойным образованием не могли похвастаться воспитанием и манерами. При этом она была более чем уверена в том, что будет работать именно здесь, а не где-то в другом месте. Она уже знала, что писать статьи в газете для неё не будет большой сложностью, но было необходимо приложить максимум усилий, чтобы всё же

получить работу в The Times.

– Как мне убедить Вас, что я справлюсь с работой? И сидеть так у входа я не собираюсь.

– Мисс Россер, – мужчина тяжело вздохнул, и в тот же момент послышался звон каблучков.

Марго спрыгнула со стола и громко крикнула, выдыхая сигаретный дым:

– Энтони, что ты пристал к девчонке?! Чего она вообще хочет?

Мистер Бланш весь скривился и что-то тихо проговорил самому себе. Руни показалось, что это было что-то среднее между молитвой и руганью, а, возможно, смесь, но, прежде чем обернуться к сотруднице, он всё же вернул себе контроль над эмоциями. Он провёл её взглядом, пока она подходила к ним и по пути докуривала сигарету, а потом произнёс:

– Это твоя старая знакомая. Мисс Россер когда-то заказывала у тебя статьи.

– Мисс Россер? – задумчиво спросила она, закусывая нижнюю губу и несколько меняясь в лице. Прищурившись, она смотрела Руни в лицо.

– Ты писала об особняке Нерис-Хаус, помнишь что-то? – спросил Энтони, убеждаясь в том, что Марго совершенно не узнаёт девушку, но та вдруг вспыхнула как керосиновая лампа, засияла своей широкой улыбкой и заговорила:

– Приведения! Да, конечно же я помню мисс Руни! О, Бо-

же! – тут она осмотрела её с ног до головы и уже с меньшим восторгом произнесла: – Это было так давно, а Вы совершенно не изменились! Простите, я назвала Вас девчонкой. Не совсем тактично с моей стороны.

– Ничего страшного в том, что Вы не узнали меня, нет, – Руни искренне улыбнулась.

– Вы очень милосердны, – ответила Марго, но её улыбка казалась вымученной, – а как же Ваш дом? Мы только недавно писали, что он пустует. Самая грустная постройка на окраине города – заброшенная и никому ненужная. Слышала, его стоимость упала в два раза, лишь бы его хоть кто-нибудь выкупил.

– Он вновь мой, – ответила девушка, и Марго перестала улыбаться, а затем перевела взгляд на своего редактора, давая ему понять, что как бы ни упала цена, она всё равно оставалась внушительной.

– Мисс Россер хочет работать у нас, – произнёс Энтони, игнорируя взгляд подчинённой, – что ты думаешь об этом?

– Эй, Марго, – сзади подошёл один из журналистов, – похоже у тебя может появиться сильная конкурентка.

Руни моментально его узнала. Один из коллег Марго, который всегда пользовался любой возможностью зацепить её. Когда-то давно, когда Руни увидела его в первый раз, он был владельцем округлого живота, но в следствие войны сильно похудел. Но характер его ничуть не изменился. Он бросил на Марго взгляд, в котором читалась насмешка.

– Закрой свой рот, – грубо ответила ему женщина, а затем обратилась к редактору: – Я не знаю. И не мне подобное решать. Если мисс Руни готова, то среди нас есть те, кто не очень любит помогать новичкам.

– Никто не любит помогать новичкам, – подметила Руни, разводя руками, и мистер Бланш тяжело вздохнул:

– Вы многое не знаете и не умеете, мисс Россер. Обучать Вас у меня возможности нет. Мы крупное издание, механизм, в котором каждый сотрудник – шестерёнка. Нам нужны профессионалы. И Марго права, возможно, кто-то и будет рад помочь, но есть и те, кто новичков недолюбливает. Боюсь я, Вы быстро разочаруетесь и сбежите от нас.

– Вы пишете? Что-нибудь? – Марго была настроена более дружелюбно.

– Я начала писать историю моих родителей, – ответила Руни, активно кивая.

Мистер Бланш внимательно посмотрел на девушку, он хмурился, но о чём он думает, понять Руни не могла. Большим пальцем он тёр едва заметную щетину на подбородке и игнорировал взгляд Марго, которая ждала его реакции. Энтони Бланш как истинный главный редактор не был готов так легко отдать вакансию Руни, и в ожидании его слов Марго достала из кармана юбки портсигар и закурила, выдыхая кольца дыма.

– Могу ли я предположить, что Вы умеете пользоваться машинкой? – спросил он наконец-то.

– Да, – ответила Руни. Теперь она начала нервничать, так как понимала, что мистер Бланш видимо начал взвешивать все за и против, и близок к принятию окончательного решения.

– Отлично, Энтони, – говорила Марго, – не надо будет разбирать её рукописи, она будет печатать.

– Ты готова взять ответственность за неё на себя? – спросил мистер Бланш, и Марго в эту же секунду подавилась дымом. Она громко закашлялась, уставясь на редактора во все глаза и зажимая рот рукой.

Руни почти физически почувствовала, что никто в The Times не хочет работать с ней, так как это подразумевает определённые сложности. Неловкость и стеснение сменились отчаянием, но она продолжала стоять перед Марго и Энтони, ожидая, когда они примут окончательное решение.

– Нет, конечно, – ответила Марго в итоге, – спроси кого-нибудь из рекламщиков, может им нужен кто-то в отдел. У нас полный штат журналистов, по крайней мере насколько мне известно.

Энтони вновь глубоко вздохнул, посмотрел на Руни и произнёс:

– Как видите, мне совершенно нечего Вам предложить.

– Хорошо, а уборщица у Вас имеется? – спросила Руни, но этот вопрос был необходим лишь для того, чтобы показать свою непогибаемость. Она понимала, что и в этой работе ей откажут, но лучше было бы уйти точно зная, что она сделала

всё, что могла, а не опустила руки раньше времени.

– Ох, чёрт, – выдыхая дым, проговорила Марго.

– Имеется, – ответил мужчина.

– Энтони, – журналист подняла взгляд на своего редактора, – я возьму её.

– Мисс Россер, мы готовы предложить Вам работу, – сказал Энтони. – Правда, уборщицей. Вы согласны?

Руни была ошеломлена. Она не ожидала, что её напористость приведет к такому результату. Но работа есть работа, ко всему сейчас, когда ей было так важно войти в ритм современного Лондона и восстановить Нерис-Хаус.

– Я согласна, – ответила она.

– Да ты шутишь!?! – возмутилась Марго глядя на Энтони. – Ты хочешь, чтобы она тебе полы мыла?

– Марго, – прервал ее Энтони, – давай дадим мисс Россер шанс. Она явно не от хорошей жизни пришла к нам устраиваться на работу, и мы должны уважать ее за это. К тому же, у меня есть ощущение, что она не задержится на этой должности надолго.

– Энтони, она пришла работать журналистом! – Марго сдерживалась, чтобы не закричать, так как понимала, что разговаривает с руководителем. – О каком уважении ты можешь говорить? Мисс Руни не станет мыть здесь пол, и это точка. Я беру её себе журналистом. Я научу её всему, раз тебе это так важно, но я не позволю тебе так унижать её.

– Вот ты и сказала мне всё, чтобы мне было нужно, – Энто-

ни хмыкнул, зажимая улыбку, – ты взяла за неё ответственность.

– Чёртов... Ох, Энтони! – она практически выплюнула его имя.

– Что ж, поздравляю, мисс Руни, теперь Вы – журналист под управлением Марго, но помните, что главный редактор тут – я, – и он протянул девушке руку, которую та пожала.

– Спасибо большое, – ответила Руни, улыбаясь, но мистер Бланш поспешил ответить:

– Вам необходимо благодарить Марго, она с такой охотой взяла Вас под свой контроль, только позавидовать можно такому рвению обучать новые кадры, – проговорил Энтин, бросил последний взгляд на журналиста, и распрощавшись ушёл к себе.

Марго и Руни остались вдвоём, и первая выглядела так, словно её ужасно оскорбили. Она опустила глаза, покачивала головой, словно не верила в реальность происходящего и нервно курила свою сигарету. Руни стояла рядом в ожидании, когда та хоть что-нибудь скажет, и та заговорила только когда докурила.

– Как видишь, главред у нас замечательный человек, – выдохнула она последнюю порцию дыма, – манипулятор чистой воды. Но что ещё взять с мужчины?!

Говорила она с горечью в голосе, а Руни плохо понимала, о чём, собственно, идёт речь, поэтому ничего не смогла сказать в ответ.

– Ладно, пойдём, покажу всё, – она позвала девушку за собой, – надеюсь, что ты не обижаешься на мой тон, мы же теперь коллеги.

– Нет, совсем нет, ты можешь называть меня просто Руни, – ответила девушка и последовала за ней.

– Хорошо, а я просто Марго.

Руни уже была здесь. Именно в этом помещении они с Марго решали, что именно опубликовать в газете, чтобы отвлечь от Нерис-Хаус возможных покупателей, и с тех пор тут ничего не изменилось. Это было большое помещение с высоким потолком, прокуренное настолько, что дышать Руни было затруднительно. На полу лежал мягкий ковёр, а на нём в виде лабиринта разместилось большое количество тяжёлых письменных столов. Когда-то стол Марго находился в дальней части кабинета, в дали от солнечного света и свежего воздуха, но теперь она сидела у окна. У неё был громоздкий стол с несколькими выдвижными ящиками, а сверху стояла изящная печатная машинка, явно новее, легче и удобнее чем у Руни, на которой было написано «L. C. Smith & Corona Typewriters Inc.».

Здесь Марго вновь закурила, словно плохо представляла свою жизнь без сигареты, а Руни надеялась, что никогда не заразится от неё этой вредной привычкой. Она встала у своего стола, а новую коллегу пригласила села на стул для посетителей.

– Как ты помнишь, – начала она, – раньше я сидела вон

там!

И она указала в дальнюю часть комнаты, после чего продолжила:

– Мне не пророчили карьерный рост, сама понимаешь по каким причинам, но теперь я главная над журналистами, что-то вроде заместителя главного редактора в нашем отделе, поэтому моё место теперь здесь, – и она положила руку на спинку своего кресла, – а ты будешь работать на моём старом месте. Приносить свою машинку не надо, мы выдадим тебе её здесь. Теперь объясняю по существу – работа есть работа, может быть очень трудно по началу, но тебе придётся переступить через себя. Надеюсь, замужество ты не планируешь, потому что ни один мужчина не одобрит подобного рода деятельность, так как дома ты будешь появляться очень редко. Придётся выезжать по адресам, очень много говорить с людьми. Надеюсь, ты умеешь это делать. Ко всему Энтони не любит нас баловать добрым отношением, мои статьи по началу он просто рвал и отправлял меня всё переписывать. Да и я плохой материал ему не понесу, если я увижу, что ты пишешь то, что никто никогда не пустит в печать, я выбирать мягкие выражения не стану. Я привыкла делать всё чётко, правильно, жёстко подчиняясь требованиям издательства, и того же требуют от работников нашего отдела. У Энтони много работы, не только мы находимся под его управлением, но и отдел продаж и отдел рекламщиков. Первые занимаются тем, что находят в городе тех, кто хотел бы

воспользоваться нашими услугами: магазины, ателье, аптеки – они либо письма шлют, либо пользуются телефоном. Они рассказывают про политику нашей газеты и предлагают рекламу, объясняя расценки, кто и за какие сроки напишет рекламный текст и тому подобное. Отдел рекламщиков именно этим и занимаются, что выполняют заказ – они пишут рекламные материалы. С этими двумя отделами мы практически не пересекаемся, единственное, что отдел продаж может привести клиентов таких, каким была ты, когда необходимо написать платную новостную статью. Сегодня мучить я тебя не стану, пусть и материал у меня есть, но с завтрашнего дня ты работаешь подобно всем – приходишь к восьми утра, мы устраиваем планёрку, определяемся с материалом, который каждый должен проработать и написать, и я посмотрю на тебя в деле.

– Ой, Марго, вновь строишь из себя главную?! Пересела к окну, так сразу же – главный редактор? – засмеялся кто-то позади Руни, и она невольно обернулась, заметив того же журналиста. Он явно не упускает лишней возможности чем-нибудь задеть Марго, и это не в меньшей степени оскорбляло Руни. Она плохо понимала, как мужчина мог вести себя как настоящий грубиян, обращаясь к женщине, но допускала, что это новый Лондон с его новыми понятиями о приличиях.

Мужчина прошёл мимо них и направился в дальнюю часть кабинета, где сел за свой стол и уже с сосредоточенным

видом застучал по рычагам печатной машинки. Он выглядел так, словно и не говорил никаких оскорбляющих вещей, словно для него это было чем-то естественным, а оттого и не вызывало никаких мучений совести. Как вдохнуть и выдохнуть, так и проходя мимо Марго, он с лёгкостью отпускал ядовитый комментарий и явно не считал это непозволительным.

Руни смотрела на него ощущая себя не в безопасности, ведь понимала, что наступит день, и его резкие слова будут направлены и в её адрес, но она не собиралась это терпеть и уже представила, как перевернёт ему на голову его чашку с кофе.

– Хорошо, я поняла тебя, – ответила Руни, переведя взгляд на Марго.

– Не обращай на него внимания, – тихо проговорила женщина, опускаясь на свой стул, – он тот ещё уродец, но нервов твоих не стоит.

– Он просто завидует тебе, Марго, – шёпотом ответила ей Руни, – сам ничего наверняка не умеет.

Услышав это, женщина засияла. Её губы растянулись в широкой довольной улыбке, и она согласно закивала, так как сама прекрасно это понимала, но услышать это от кого-то другого было ей по-настоящему приятно.

– Ты ела сегодня? – спросила она вдруг.

– Да, я заходила в одно кафе, там просто огромные порции, – ответила девушка, – но люди там явно были не очень

мне рады. Похоже там едят только работники строек, они не ожидали меня там увидеть.

– Ты в эти места не ходи, для нас есть свои кафе, – проговорила она, глядя в Руни в лицо, – представляю, как они растерялись, увидев тебя в качестве гостя.

– Ты бы знала, как в тот момент растерялась я, – с улыбкой ответила девушка, а затем услышала то, что заставило её невольно сжаться от накатившей злобы:

– А вот и женские разговорчики начались, – голос вновь подал мужчина, – надеюсь, Вы не будете здесь модные показы устраивать? Нам как бы всегда одной Марго хватало, стучащей тут и там своими каблуками, а теперь ещё и новый женщина-журналист!

Руни невольно перевела на него свой взгляд. Грубить ему в ответ она не хотела. Её всегда окружали джентльмены, даже несмотря на то, что она была какой-то период времени в компании своих дальних родственников, и таким редкостных хамов встречать ей не приходилось. Поэтому и разговаривать с ними она не умела. Она была бы прибегнуть к языку насилия, например, выполнив тот трюк с кофе, о котором она думала раньше, но было бы это правильно? Она прикусила нижнюю губу и смотрела на него, пропуская мимо ушей реплику Марго:

– Отвали от нас, Эндрю. Твоё мнение тут никому неинтересно.

– Если ты не поняла, то я обращался к нашему новому

коллеге, – ответил ей мужчина, – я бы хотел с ней познакомиться. Как же Вас зовут?

– Руни О’Рейли Россер Хорсфорд, – произнесла она каждую часть своего имени отдельно.

Мужчина сделал вид, словно это имя о чём-то ему говорит, а потом заговорил:

– Мисс Россер, должно быть Вы владелица многострадального Нерис-Хаус, который стоит и разрушается. Будь Ваши дела так хороши, Вы бы, должно быть, не пришли сюда. Особняк ветшает и однажды рухнет, а Вы нищенствуете и ищете возможность заработать себе на хлеб насущный.

В этот момент Марго засмеялась, и пепел с её сигареты осыпался прямо ей на стол, но она этого даже не заметила, а Руни смотрела на журналиста и улыбалась, понимая, как он далёк от реальности, проживая в своих фантазиях, где все вокруг не годились ему в подмётки. Нищие, оборванные, бесталанные и страдающие от несправедливости жизни, и только он один не только достоин лучшего, но и имеет его, хотя, по правде говоря, вряд ли он может этим похвастаться.

Когда Марго перестала смеяться, Эндрю уже не выглядел таким самоуверенным. Он смотрел на неё с видом, словно плохо понимает, что происходит, но дальнейшие слова женщины расставили всё по местам, и он молча продолжил свою работу.

– Надо же написать статью, о том, что ты вновь полноправный владелец Нерис-Хаус, чтобы мародёры обходили твой

дом стороной, пока ты его не восстановишь, – говорила она.
– Было бы замечательно, – согласилась девушка.

Руни была счастлива от мысли, что ее взяли на работу журналистом. Она наконец-то могла заниматься не только тем, что ей нравилось, но и тем, что сможет принести ей дополнительный доход для восстановления Нерис-Хаус. Руни не терпелось начать работать над своими статьями, писать о том, что ей интересно, и общаться с людьми. Она чувствовала, что нашла своё место, и была благодарна за возможность проявить себя, пусть Энтони, по сути, обвёл Марго вокруг пальца, лишь не нести за неё ответственность самому.

Когда Марго написала примерный текст статьи о том, что Руни вновь владелица Нерис-Хаус, она занялась своей основной работой, а девушка, пытаясь не выказывать свой чрезмерный восторг, решила пройти к своему столу.

Он стоял в дальней части кабинета. Здесь было темно из-за висящего в воздухе сигаретного дыма, да и солнечные лучи не дотягивались до этой части помещения. Стол Руни стоял зажатый между двумя другими, поэтому чтобы пройти к своему стулу, ей пришлось протиснуться подобно тому, как когда-то это делала Марго, когда ещё не могла похвастаться карьерный ростом и только начала свою деятельность журналиста. Руни помнила это и, повторив повадки Марго, взяла стол на таран – двигалась быстро и с напором, а потом села на стул и огляделась.

Её стол был точно таким же, как и соседние. Тяжелый, де-

ревянный, с тремя выдвижными ящиками, верхний из которых мог закрываться на ключ. На столе ничего не было – когда Марго пересела, этот стол остался без владельца. Соседние столы же кипели жизнью, на них стояли пепельницы, переполненные окурками, пустые чашки из-под кофе, стопки бумаг, в подставке были перьевые ручки и карандаши, а во главе стола стояли печатные машинки. Похожие на ту, что у Марго, но явно проще и старше по модели. Вообще в кабинете, каким бы большим он ни был, практически никого не было. Марго занимала свой стол, зажав в губах сигарету, она что-то быстро печатала. За своим столом сидел и Эндрю, что-то периодически печатая и заглядывая в свою записную книжку. В другой части кабинета сидели ещё два журналиста. Совсем молодые люди с одинаковыми лицами, и даже одетые идентично. Они что-то очень тихо обсуждали, читая что-то в открытом перед ними журнале. Один курил, другой пил кофе. И они были так увлечены своей работой, что даже не заметили, что Марго привела нового сотрудника. Больше никого из журналистов не было, и Руни предположила, что они разъехались по адресам, как и говорила Марго.

Открывая поочередно ящики стола, Руни проверила, насколько они чистые, и не удивилась, когда на дне одного из них нашла нетронутую сигарету. Девушка аккуратно взяла её в пальцы, как вдруг в кабинет кто-то вошёл, бросая на письменный стол свою тяжёлую сумку. Удар был такой силы, что даже близнецы невольно подняли головы, а Эндрю бро-

сил на пришедшего крайне недовольный взгляд.

– Марго, я такой материал нашёл! – закричал он, широко улыбаясь. – Как тебе идея: мать-детоубийца!

– Звучит интригующе, – ответила женщина, прекращая печатать.

– Я расскажу, вы с ума сойдёте! – говорил мужчина, явно обращаясь ко всем присутствующим. – Недавно одна женщина родила, мальчика. Здоровый, крепкий. А тут соседи заметили, что однажды резко прекратился детский плач, и сама женщина перестала появляться во дворе дома с коляской. Всегда одна. Вызвали констеблей, и, знаете, что они обнаружили? Она заперла его в своём холодильнике, в левом верхнем отсеке, так как редко им пользовалась. Как объяснялась женщина, она просто устала от его слёз и не знала, как его успокоить.

Марго не верила ушам. Она совсем растерялась, а потом бросила взгляд на близнецов, которые замерли словно два пса на изготовке, уставившись взглядом на пришедшего журналиста.

– Да, подобная новость произведёт фурор, – заговорил один из них.

– Да, определённо, – согласился второй, и Руни поняла, что они говорят с явным иностранным акцентом, таким, что она смогла без проблем определить, откуда они, если бы хоть немного в этом разбиралась. Осознание не пришло к ней и тогда, когда она вновь посмотрела на Марго, которая трясущейся

щими руками достала сигарету и поспешила закурить.

– Мальчики, не трогайте её, иначе последующая новость будет ещё более фееричной, – произнесла она, и мужчины, переглянувшись, ответили:

– Так мы и не собираемся, но ты и так всё понимаешь.

После этого Марго совсем изменилась в лице. Показалась перепуганной настолько, что было сложно узнать в ней прежнюю стойкую и крепкую женщину. Она бросила короткий взгляд на растерянную Руни, а потом обратилась к пришедшему мужчине:

– Пиши об этом. Пойдёт на первую полосу.

Мужчина одобрительно кивнул Марго, забирая свою сумку, потом бросил короткий взгляд на близнецов, которые сейчас уже вернулись к работе, но выглядели более сосредоточенными и перешли на шёпот. Затем он прошёл мимо них в глубь помещения, затем мимо двух столов, отодвинул стул, чтобы пройти дальше, и вдруг сел за стол, который был практически вплотную придвинут к столу Руни, и оказался от неё по левую сторону. Ко всему его рабочее место было организовано так, что девушка оказалась прямо перед ним. Подобное соседство заставило Руни почувствовать себя крайне неловко, и она ждала, что он заметит её и решит представиться, но он лишь открыл свою сумку, достал оттуда записную книжку и приступил к работе.

Руни уже не интересовал тот ужас, который Марго испытывала перед близнецами. Её несколько оскорбило, что муж-

чина, явно заметив её, не проявил необходимой учтивости и не начал с ней разговор, поэтому Руни решила заговорить сама:

– Здравствуйте. Мы теперь с Вами соседи. Меня зовут Руни Россер.

Он поднял голову, переводя взгляд на девушку и держа в руках шариковую ручку. Он явно плохо понимал, чего она от него хочет, поэтому его лицо не выражало ничего кроме растерянности, а в глазах было видно, что думает он только о материале, который планирует написать.

– Простите, я отвлекла Вас, – Руни почувствовала себя ещё в большем замешательстве.

– Так Вы теперь работаете у нас? – спросил он, окидывая взглядом пустой стол.

– Послезавтра первый день, – ответила девушка, чувствуя, как его взгляд заставил её щёки вспыхнуть.

– Что ж, желаю Вам удачи, – заговорил мужчина, продолжая крутить в руках ручку, – кто знает, какой успех Вас ждёт в этом поприще. Марго, вон какая умница, теперь шефствует нас. Надеюсь, Вы не пожалеете о том, что устроились сюда. И уж простите меня, голова сейчас занята серьёзным материалом, сами понимаете, не каждый день приходится писать о детоубийце, поэтому я даже не заметил Вашего присутствия. Меня зовут Клем.

В этот момент сердце Руни пропустило удар, и она почувствовала странную саднящую боль в груди. Мужчина, си-

дящий возле неё, был владельцем коротких тёмных волос и каре-зелёных глаз, приятного переливистого цвета, подобно лесному ореху, и на Уэйна был совершенно не похож.

– Простите, как? – спросила Руни.

– Клем, Клем Беррингтон, – ответил мужчина, – Вы так смотрите на меня. Мы были знакомы раньше?

– Нет, простите, – Руни увела взгляд, – просто у меня был знакомый, его звали так же.

– Вы курите? – вдруг спросил мужчина, и Руни невольно опустила взгляд на сигарету в своих руках, которую так и продолжала держать.

– О, нет, – Руни ответила с улыбкой, легко качнув головой, – нашла в ящике, думаю, это сигарета Марго.

– Мм, да, – он кивнул, – Марго заядлый курильщик, хотя – многие из нас курят, что-то вроде профессиональной привычки. Когда думаешь слишком много, сигарета помогает охладить мозг.

– Я не хочу начинать курить, – честно призналась Руни, смотря мужчине в лицо.

– Никто не заставляет, этого нет в правилах издательства, – ответил ей Клем и подмигнул, и Руни невольно улыбнулась, чувствуя, как внутри неё зарождается дружеская симпатия к мужчине. При этом она вспомнила Джона и ей стало страшно – близкое общение с мужчиной тогда обернулось трагедией, но она надеялась, что ничего даже подобного не будет между ней и Клемом.

Мужчина продолжил свою работу, а Руни поднялась со стула и пошла обратно к Марго.

– Я думаю, это твоё, – говорила она, протягивая сигарету, и когда та её забрала, села на клиентский стул, – а чего ты так боишься этих близнецов?

– Я их не боюсь, – уверенно, но шёпотом ответила Марго, – мне они ничего не сделают, да и никому из нас.

– А кому могут? – шёпотом спросила Руни, и Марго молча качнула головой, давая понять, что эту тему обсуждать с ней она не станет. Разочарованная девушка поднялась со стула и посмотрела на свою начальницу:

– Ладно, я тогда пойду. До завтра.

– Не забудь, завтра тут необходимо быть к восьми, – строго проговорила Марго.

– Я запомнила, – ответила Руни и направилась к выходу.

Вдохнуть свежий воздух было для Руни настоящим удовольствием. От силы час в задымлённом кабинете оказался для некурящей Руни очень сложным. Она стояла у парадного входа в здание, наслаждаясь природой, пусть воздух в шумном активном и производственном городе было сложно назвать идеально чистым. Руни глубоко вздохнула, чувствуя, как прохладный ветерок пробегает по её волосам. Солнце уже начинало опускаться к горизонту. И всё вокруг напоминало ей о том, что близятся холода, а в её доме практически застеклённых окон. И Руни поняла, что скоро ей необходимо заняться ждущими её делами.

Двинувшись по улице, Руни направилась к открывающимся ей магазинам. Ей было необходимо приобрести дверную ручку с встроенным замком, чтобы установить её во входную дверь, а также найти стекольщика, который согласился бы заняться всеми окнами в её доме. Даже те, которые остались целыми, должны были быть заменены, так как у них всё равно имелись сколы, потёртости и трещины. Это казалось Руни первостепенным, она не представляла жизнь в доме, когда начнётся глубокая осень, если у неё к тому моменту не будет отремонтированных окон.

Замок и дверная ручка нашлись практически сразу. Гуляя по улице, проводя взглядом по вывескам магазинов, она быстро нашла место, где производят ключи. Это был небольшой магазин, освещённый одной потолочной лампой, внутри пахло металлом и смазкой, из-за чего она невольно вспомнила работу на заводе, а за прилавком с кассой сидел мужчина с длинной густой бородой. Он внимательно рассматривал заготовку в своих руках, явно не совсем довольный её качеством. Когда Руни открыла дверь, послышался звон колокольчика, и мужчина рефлексивно поднял голову. На кончике его носа были пенсне, удивительно было увидеть мужчину в них в то время, когда большинство выбирали очки с дужками. Он поднялся с деревянной табуретки, отложил в сторону металлическую пластинку и обратил своё внимание на Руни. Он довольно улыбнулся, явно радуясь покупателю, или же это было вызвано тем, что молодые женщины

были редкими визитёрами в таких магазинах, а Руни обладала удивительной располагающей к себе внешностью. Глядя на неё поверх своих очков, он вдруг заговорил, разводя руками:

– Добрый вечер, госпожа! Наш магазин словно магическое место, мы – искусные мастера превращаем обычные металлические заготовки в волшебные ключи, открывающие двери в самые сокровенные уголки человеческих душ. Используя свой опыт и интуицию, мы придаём каждому ключу неповторимую форму, которая отражает индивидуальность его будущего владельца. В нашем магазине можно найти ключи от самых разных дверей – от простых и неприметных до роскошных и изысканных.

В конце он посмотрел на неё с лёгкой игривостью во взгляде, словно пытаясь заразить её этой же эмоцией, чтобы она легко пошла с ним на контакт. Будь Руни младше, она обязательно бы не поняла, что скрывается за этим радушием, но молодой Руни только выглядела. Не выказывая никаких эмоций, она подошла ближе к прилавку и ответила:

– Добрый вечер, сэр. Мне необходима дверная ручка со встраиваемым замком и комплект ключей к нему, мне необходимо поменять замок во входной двери.

Мужчина поджал губы и бросил на Руни несколько разочарованный взгляд, после чего спросил:

– Неужто для молодой леди замок и ключ – это не более, чем скучная часть двери?

– Это неотъемлемая часть двери, особенно если она входная, – Руни всё же позволила себе едва заметно улыбнуться.

Ей в принципе было не до шуток. Руни думала о проблеме и о том, как её грамотно решить, от этого в голове её шли серьезные размышления, а оттого оставаться смешливой она не могла. Весёлость продавца никаким образом её не оскорбляла, но сама она предпочла оставаться с холодной головой – в противном случае восстановление Нерис-Хаус растянется на года, или ещё хуже – она никогда не сможет вернуть его былое величие. Поэтому она бросила на мужчину взгляд, дающий понять, что пришла она по очень важному вопросу, и ей некогда поддерживать его весёлые, непринуждённые беседы.

– Молодая леди оказывается у нас с железным стержнем, – мужчина хмыкнул, – хорошо, у меня есть, что Вам предложить.

Он наклонился под прилавок и вскоре достал три коробки, в каждой из которых лежала своя ручка с замком и ключи. Руни окинула их взглядом, одновременно слушая то, что говорит продавец:

– Вообще с завода пришёл только этот, – он показал на первую коробку, – эти два мне продали клиенты, которые захотели поменять замки.

Руни внимательно их осмотрела, но особой разницы между ручками не отметила. Единственное, что первая, которая явно только недавно вышла на продажу, была тоньше, основ-

ная её часть изгибалась словно буква «s», но девушка сочла, что она будет теряться на фоне высокой и широкой двери Нерис-Хаус, поэтому обратила своё внимание на две другие ручки, пусть они и были в употреблении когда-то. Для неё это не играло большой роли, ведь основной задачей было – обзавестись замком, на который можно будет запереться на ночь, или же когда Руни уйдёт на работу. Особое её внимание привлекла третья ручка. Она казалась тяжёлой, увесистой, достаточно крупной, чтобы гармонично смотреться, ко всему она была украшена декоративными бриллиантовыми зелёными камнями. Оба находились так, что, вовремя открывая двери, рукой касаться их не приходилось, поэтому ручка сохранила свой достойный вид, пусть и была когда-то у кого-то на двери.

– Сколько стоит вот эта? – спросила Руни, глядя желанный товар.

– За цену новой я её продавать не стану, – заговорил мужчина, явно думая над ответом, – изначально она стоила достаточно дорого, думаю, она была изготовлена ещё в конце прошлого столетия, тут ещё качественный металл. Сейчас же я мог бы продать Вам её за сто восемьдесят фунтов стерлингов.

«Сто восемьдесят!» – подумала Руни глядя на ручку. – «Когда-то для меня это были не деньги».

– Сто шестьдесят, – ответила ему женщина, поднимая взгляд. Она понимала, что играет с огнём, так как торговать-

ся ей никогда не приходилось, но мужчина вдруг засмеялся. Руни даже несколько растерялась, но мужчина поспешил ответить:

– Сто восемьдесят, она не может стоять дешевле, – проговорил он, явно недовольный её попыткой торговаться. Но это была бы не Руни, если бы она так просто сдалась. Многозначаше на него глядя, она продолжила:

– Сто шестьдесят, и я забираю её сразу же. Ко всему это не одна дверная ручка, которая мне необходима, поэтому я не советую Вам терять во мне постоянного клиента.

Он хмыкнул, опуская голову и явно пытаясь понять, насколько заманчиво для него её предложение. Мужчина смотрел на дверную ручку, облизывая и поджимая свои губы, а потом всё же поднял на Руни взгляд, которая продолжала удивляться высокой стоимости дверной ручки: «Сто восемьдесят фунтов, у кого-то это три года труда, а у меня – одна дверная ручка». Но было необходимо восстановить Нерис-Хаус, пусть на это ушло бы огромное количество средств.

– Хорошо, мисс, мы с Вами договорились, – ответил ей в конце концов мужчина, – эта ручка Ваша.

Расставаться с такой суммой Руни было сложно, пусть бабушка дала ей столько, что она смогла бы купить пять и более таких дверных ручек. Она понимала, что должна быть по-настоящему бережливой и аккуратно относиться к деньгам, в противном случае её ждёт болезненное фиаско. Разглядывая купюры на просвет, продавец убедился, что Руни

не фальшивомонетчица и поспешил упаковать коробку. А девушка мысленно навсегда прощалась с деньгами.

Когда она вышла из магазина, на улице было почти темно. Выборочно на улице включились фонари, и Руни поняла, что не весь Лондон успел обзавестись электроэнергией – некоторые словно погрузились в сон, наклонили над дорогой свои тяжёлые головы и не собирались её освещать.

И после того, как Руни зашла в ещё один магазин, в котором приобрела свечи и спички пора было возвращаться домой, но тратиться на такси Руни не хотела. Идти пешком было слишком далеко, а городской автобус уже не ходил, поэтому Руни поспешила к ближайшей станции метро.

Когда Руни добралась до дома, на Нерис-Хаус опустилась ночная тьма, но она поспешила зажечь приобретённую свечу и прошла в свой кабинет. Свеча осталась на столе, а Руни достала шариковую ручку и лист бумаги.

Писать в темноте вредно для глаз, можно посадить зрение. По крайней мере так утверждало современное медицинское сообщество. Врачи офтальмологи публиковали свои наблюдения, что после долгого напряжения глаз в темноте нарушается рефракция, и зрение человека ухудшается, но Руни не давала себе выбора. Ей хотелось составить список покупок для ремонта особняка, которые ей необходимо совершить в ближайшее время, послезавтра её ждёт первый рабочий день в издательстве. Писать было нужно сейчас и пытаться что-то реализовать в ближайший срок.

Лист бумаги, ручка и свеча. Не воск, это слишком дорого. Она была на основе животного жира, а вместо фитиля в твёрдую структуру была воткнута щепка. Каминные свечи, длинные и надёжные, ими точно не обжечь пальцы, и Руни сидела в мягком свете и размышляла над списком. Жир начал плавиться, но не коптил, немного сладковатый приятный запах поднимался от него, а Руни поняла, чир пака в её доме не появится электричество, ей предстоит каждый вечер проводить в компании этой свечи.

Закончив со списком, а он получился у Руни не большой: несколько банок краски разных цветов, пара рулонов обоев, заказать ремонт паркетной кладки, белая потолочная краска, – Руни решила отправиться отдыхать. Перед работой было необходимо хорошо отдохнуть. И, убрав свой список, во второй ящик стола, она взяла свечу в руку и вышла в коридор.

На улице была мёртвая тишина, которая проникала в дом сквозь заколоченные окна и растекалась по нему вместе с ночной темнотой. И в этом безмолвии становилось отлично слышно что-то на подобии стонов старого особняка. Ветер тихо свистел между досками, потрескивал где-то разошедшийся пол, странная тень расплзлась по стене.

Доведённый до разрухи войной особняк казался Руни избитой белой птицей, который из последних сил молила о помощи: прекращении её предсмертных мук. Но дом не мучился в агонии, он был в шаге от тихой кончины, и его оборван-

ные стены, разошедшиеся половицы, непроглядная тьма коридоров пугала Руни. Казалось, рядом кто-то дышит. Тяжёлое, иногда прерывающееся дыхание, затем странный треск впереди одной из половых досок, и Руни почувствовала, как по спине от ужаса спустился холодок.

Девушка вспомнила это дыхание – так мама, болеющая туберкулёзом, дышала в последние часы своей жизни, но здесь её быть не могло.

– Неужто я создала призраков, когда о них списали в The Times! – громко заговорила Руни словно желая спугнуть навяждение. – Но этого быть не может! Разве призраки существуют? Эй, кем бы ты ни был, тебе здесь не рады! Это Нерис-Хаус, и гостей тут не жалуют!

Ответить никто не спешил. Лишь через мгновение ветер сильнее ударил в зияющие окна второго этажа и засвистел между досок, но этого хватило, чтобы Руни, не успев зажать рукой рот, истошно завопила от переполнившего её ужаса.

– Чёртов ветер! – гневно выпалила девушка, понимая, что страх её ничем не оправдан. – Я люблю тебя, мой милый дом, но давай договоримся – ты меня не пугаешь, я на тебя не ругаюсь, – уже спокойнее продолжила Руни, глядя в бесконечную тьму коридора, – и сейчас я пройду к лестнице, и кто не ударит меня по голове. Верно ведь, Нерис-Хаус? Ведь если здесь есть призраки, ведь не хотите мне зла? Смысл бояться мёртвых, если только живые могут по-настоящему нанести мне вред. Ну, я иду!

Держа в руке свечу, Руни сначала делала все свои шаги исключительно медленно и аккуратно, но в итоге ужас взял над ней верх. Вся сжавшись, она рывком добежала до лестницы и также быстро поднялась по ней, после чего поспешила в свою комнату на старую больничную койку.

Увидев её, она вдруг задумалась, что если в особняке есть призраки, то это души не только её родственников.

– Ну, уж нет! Так я никогда не усну! – возмутилась она вслух, так как придавало ей уверенности. – Прочь дурные мысли!

После этого она села на кровать, снова провалившись в её продавленной сетке, и погасила свечу.

– Кем бы Вы не были, и сколько бы вас не было, всем спокойной ночи, не тревожьте меня до утра, – после этого Руни закинула ноги на кровать, улеглась так, чтобы испытывать что-то подобное комфорту и закрыла глаза.

В следующее мгновение, когда она их раскрыла, на улице уже собирался рассвет.

2 глава. Жемчужины высшего света

Восточный ветер нёс на Уэльс холод, осень здесь начиналась значительно раньше, чем на юге Англии. А над северной его частью стояли мрачные, дождливые дни. В местных деревнях люди редко покидали свои дома, греясь у огня в своих печах и горячительными напитками. Однако, были и те, кто не боялся непогоды и продолжал работать на полях и фермах. Мужчины шли в лес за дровами, а женщины занимались домашними делами, заботясь о своих семьях и животных. В это время года природа Уэльса была особенно красива: золотистые поля, багряные леса и пронзительно синее небо, когда дожди уходили в глубь Великобритании.

Осень в Уэльсе была временем сбора урожая и подготовки к зиме. Подготовка шла и во дворце семейства Россер. Женская его часть проводила своё свободное время раздавая слугам поручения, перебирая с камеристками свой гардероб и распивая вино. Мужская часть семьи, тем временем, была занята делами иного рода. Глава семейства, лорд Россер, проводил долгие часы в своём кабинете, разбирая бумаги и решая вопросы, связанные с управлением поместьями и землями. Его старший сын, наследник титула, Уэйн помогал отцу в этих делах, стараясь практически не пересекаться со

своей молодой женой.

Осень в Уэльсе в этом году принесла только тревоги и сложности, но Уэйн, пусть и старался не думать об этом, проводил своё свободное время с младшей сестрой и изливал ей все свои душевные переживания. И в этот раз они были в её гостиной, где он расположился на диване, а Эйра сидела в кресле и смотрела на брата, плохо понимая, в чём она может ему помочь. Оно слушала его, иногда что-то отвечая, но плохо понимала, способно ли это облегчить его муки. Закинув левую руку за голову, он дёргал кайму у маленькой декоративной подушки, а его лицо выражало всю ту боль, которую он испытывает. Нахмуренный, с пустым глубоким взглядом зелёных глаз, которые смотрели не наружу, а внутрь – в истоки его душевных терзаний, он периодически тяжело вздыхал, и Эйра понимала, что он совсем не скоро примет и осознает свою новую жизнь. Он замолчал на время, и теперь разглядывал высокий белый потолок, украшенный лепниной, и, наблюдая за этим, девушка решила сменить тему:

– Я хочу распорядиться, чтобы мне его разукрасили.

– Зачем? – безэмоционально спросил Уэйн, думая лишь о собственном.

– Чтобы в моей жизни было больше красок, – ответила Эйра и подняла взгляд к потолку, – белый поток – это слишком скучно.

– Интересно, Руни согласилась бы с тобой? – тихо спросил мужчина. – Думаю, она бы нашла твою идею занимательной,

но при этом она бы заметила для себя, что никогда до этого с такой внимательностью как ты не рассматривала потолок.

– Может быть, – коротко ответила Эйра, а затем перевела взгляд на брата, – забавно, что чтоб мы ни обсуждали, ты всегда припоминаешь её.

– Мой брак решение нашего отца, – проговорил Уэйн, а потом перевёл взгляд на сестру, – ты же прекрасно знаешь всё, что у меня на сердце.

– Знаю, – тихо ответила Эйра, – наверное, даже лучше тебя самого.

– Ты ведь ей не пишешь? – спросил Уэйн, глядя сестре в лицо.

– Ни строчки, – Эйра качнула головой, а потом продолжила с явным разочарованием в голосе, граничащим с огорчением и лёгкой завистью, – я плохо понимаю, о чём ей писать. Она женщина новой эпохи, она не часть нашей скучной провинциальной жизни. Она сейчас в Лондоне. В большом и шумном, как она и говорила. Я думаю, там она по-настоящему счастлива. Вернулась в свою родную обитель.

– Я думаю, она очень одинока, – тихо говорил мужчина, – ко всему, она же тебе сестра. Верно же, Эйра?

Девушка поджала вдруг задрожавшие губы, а потом увела глаза, чтобы мужчина не увидел накатывающиеся слёзы. Она не хотела ему отвечать, она лишь глубоко вдохнула, пытаясь вернуть ясность мыслям. А Уэйн и не давил на неё, ожидая, что она скажет ему что-то, когда будет к этому готова. Он

сел на подлокотник кресла и стал разглядывать ковёр, пока Эйра боролась со слезами, которые пытались одолеть её.

– А я ведь даже не вышла с ней проститься, – виновно произнесла она, позволяя одной слезе всё же скатиться по щеке, – я была тогда так обижена её отъездом, что даже не задумалась о том, что она чувствовала в тот момент. Руни уехала только потому, что ты женился на другой. На её месте я бы тоже уехала, в ту же секунду, как на пороге появилась бы моя бабушка. Куда угодно и с кем угодно, лишь бы не здесь.

– Ты правда так думаешь? – спросил Уэйн, переводя взгляд на девушку.

– А ты думаешь иначе? – спросила Эйра, уже зная ответ. – Ты ведь не просто так написал ей то письмо.

– Ты знаешь, под каким давлением я нахожусь, – ответил ей брат, – я не могу принимать решения самостоятельно, отец никогда не даст мне вздохнуть с облегчением.

Эйра в ответ пожала плечами, и они обменялись горькими улыбками, но потом всё же девушка позволила себе тихий комментарий:

– Пока он жив.

В это время в малой гостиной расположились их родственницы: Мэйр, Катрин и Гвинет Россер. Они были заняты своим обычным женским делом – обсуждением последних новостей и сплетен. Мэйр рассказывала о своих планах на ближайшее будущее, связанное с образованием её сына, а Катрин, в свою очередь, делилась своими впечатлениями

о недавней поездке в Портмейрен. Гвинет же внимательно слушала их, изредка вставляя свои комментарии и замечания, изредка отвлекаясь от чтения. Ко всему Катрин решила разбавить дневную скуку полусладким красным вином, из-за чего достаточно быстро охмелела и решила сменить тему на более животрепещущую.

– Какое счастье, что мы смогли избавиться от этой надоедливой мухи! – довольно произнесла Катрин.

– Я рада, что Уэйн теперь женат, а то я переживала, что ради этой барышни он будет готов отступить от семьи! – согласилась Мэйр, а затем перевела взгляд на Гвинет, ожидая и её радости от отъезда Руни.

– Да, вы правы, – произнесла она менее заинтересованно, и женщины моментально перевели на неё вопрошающие взгляды. Они были очень недовольны тем, что Гвинет практически не выразила облегчения от отъезда их дальней родственницы, и требовали от неё объяснений, но Гвинет словно не замечала их. Она держала на коленях раскрытую книгу, явно увлечённая сюжетом, так как она не оторвалась от неё несмотря на то, что пыталась в этот момент поправить свою причёску.

– Моя дорогая, – начала Катрин, – когда поднята такая важная тема, ты обязана в ней участвовать, и выкладываться в полной мере. В конце концов, в нашей глуши так мало интересного, так хотя бы пообсуждать эту английскую выскочку. Видите ли, она решила, что сможет стать одной из Рос-

сер!? Ну разве тебе не смешно только от одной этой мысли? Ко всему очень хотела замуж за нашего брата. Она? Со своим-то происхождением?!

– Да, Руни очень интересный экземпляр, но смеяться над ней было веселее, когда она что-то говорила, её суждения так забавны, так оторваны от реальности, – Гвинет всё же оторвала взгляд от книги и посмотрела на женщин, растягивая губы в улыбке, – я помню, как она говорила о своей работе на заводе – это так смешно. Что она могла там делать?! Да и вообще, разве работа – это не дело мужчины? Руни следовало бы выйти замуж за директора этого завода, она была бы при финансах и у неё была бы уверенность в завтрашнем дне, ко всему, сколько ей лет – ей уже давно следовало задуматься о семье. А она, подобно мужчине, спасала мир!

Женщины переглянулись, ехидно улыбаясь, а Катрин сдерживалась, чтобы не засмеяться, но потом она вспомнила более интересную тему. Взяв с комода свой бокал с вином, она сделала щедрый глоток, поставила его обратно и обратилась к собеседницам.

– А ведь скоро воскресенье! – она ликовала, радуясь той мысли, которая вдруг её посетила. – Гвинет, мы с тобой обязаны пойти на службу – я заметила, как он смотрел на меня в прошлый раз. Я ему явно приглянулась.

– У него обет безбрачия, моя дорогая, – поспешила Мэйр развеять радость женщины, – поэтому, как бы ты ни была ему симпатична, он выберет верность Богу.

– Тётя, ты слышишь саму себя? – Катрин засмеялась, а Гвинет поспешила зажать губы рукой, чтобы не присоединиться к сестре. – Такого очаровательного священника я в покое не оставлю, он оставит сан ради моего очарования. Я в этом уверена. Как можно выбрать Бога, если выбор между мной и чем-то совершенно недоказанным?

– Поспешу тебе напомнить, моя дорогая, что ты замужем, и у тебя дети, – говорила Мэйр, не сохранив своего хорошего настроения.

– Ну и что? – искренне удивилась Катрин. – Большинство из нас вышло замуж без любви, а моему сердцу её очень хочется.

– Ты говоришь непростительные вещи, Катрин, тебе стоит убрать бутылку, пока ты не навлекла на себя гнев Божий, – строго говорила Мэйр, хотя плохо верила, как и все присутствующие, в данную возможность.

– Тётушка, перестаньте, – с улыбкой говорила Гвинет, – она шутит, не более того. Правда ведь, Катрин?

– Что же за шуточки?! – с обиженным видом говорила женщина. – Нет, я настроена крайне серьёзно. Я видела его взгляд, и я знаю, чего хочу. Ну, тётя, согласись, я ведь само очарование. Меня ни капельки не испортили ни брак, ни дети, я всё так же свежа и нежна, как и когда-то, и могу легко вызвать пожар в груди мужчины, увлечь его за собой, заставить отказаться даже от Бога ради ночи со мной.

– Ночь? – Мэйр усмехнулась. – Это всё, что тебе нужно?

Кем ты считаешь себя? Падшей женщиной?

– Я считаю себя совершенством, способным расшевелить пламень чувств, – ответила Катрин.

Гвинет в ответ улыбнулась, не веря ушам, и заговорила:

– Неужели ты готова сломать этому священнику жизнь? – после своих слов она закрыла книгу, понимая, что сцена, открывающаяся перед ней, в много раз интереснее.

Катрин не поняла сестру:

– А как я ему её сломаю? Я лишь подарю ему возможность познать истинное наслаждение.

– Ты явно пьяна, – сделала вывод Гвинет, – тебе следует пройти к себе и лечь отдохнуть, пока твои губительные речи не услышал твой муж.

– Ох, нет, – Катрин была огорчена словами сестры, – давайте поговорим ещё немного! Например, об этой отвратительной Руни, которая посмела вскружить голову нашему Уэйну и, обманув его, пыталась выйти за него замуж. Какая наглость! Очень надеюсь, что в Лондоне у неё ничего не складывается. Гвинет, согласись со мной! У неё должно ничего не получаться. А если вдруг судьба вновь заставит её оказаться здесь, уверена, она будет рассказать вновь свои небылицы.

Катрин покачнуло, и Гвинет с Мэйр переглянулись. Они прекрасно понимали, что Катрин слишком много выпила. И если Гвинет могла себе позволить снять с себя ответственность за чрезмерную тягу к алкоголю своей сестры, но тѐ-

тушка Мэйр понимала, что с неё будет спрос как с самой старшей в их компании. Потому женщина поспешила подняться из кресла, прошла к женщине и тихо произнесла, так словно в комнате был кто-то кому не следовало бы слышать её слова:

– Катрин, мы, конечно же, согласны с тобой насчёт нашей бывшей гостьи из Англии, но тебе стоит помнить о том, что ты же не она и должна не забывать о правилах приличия – тебе следует пройти к себе и лечь отдохнуть. Я могу распорядиться и слуги подадут тебе чай, он поможет быстрее прийти в чувства.

В этот момент раздался тихий стук в дверь, и она раскрылась. Уэйн, явно не ожидавший увидеть родственниц, сначала растерялся, но заметив, что его двоюродная сестра, прижатая боком к его тётушке Мэйр, раскраснелась не от жара в камине, а от опустевшей бутылки вина, невольно улыбнулся своим мыслям и медленно прошёл вглубь комнаты.

– Уже празднуете Мабон? – спросил он, оглядывая своих родственников.

– Ну что ты, Уэйн, до него ещё дожить надо, – с улыбкой ответила Гвинет, пытаясь отвлечь его внимание с тётушки и сестры.

– Молчали бы вы, – Мэйр явно была недовольна поднятой темой, – мы хоть и кельты, но давно уже верим в Христа, и дьявольские праздники не отмечаем.

– Прошу прощения, тётушка, – Уэйн качнул головой,

изображая небрежный поклон и при этом удивляясь нарочитой набожности тётушки, – но тогда я плохо понимаю, по какому поводу было открыто вино?

– Ты прав, что мы что-то празднуем, – неуверенным языком, но не с вызовом заговорила Катрин, – твоя ненаглядная здесь никогда более не появится, ведь ты уже женат на другой. Чем же это не праздник?

– Катрин, тебе лучше помолчать, – тихо прошипела Мэйр, но женщина обошла тётушки прошла ближе к брату. Её губы растянулись в ехидной усмешке, и она продолжила:

– Мы и открыли бутылку вина, отпраздновать то, что у этой английской ведьмы не получилось окольцевать нашего брата и наследника титула и замка, и земель. Ведь видит Господь, твой отец никогда бы не позволил, чтобы всё это досталось англичанке. Да и согласись же с нами, Уэйн, она тебе не пара.

– Я не удивлён, Катрин, никаких других слов от тебя я не ожидал, – явно скучая ответил ей мужчина.

Тётушка Мэйр, которая осталась стоять позади, тяжело вздохнула и перевела взгляд на Гвинет. Та сидела, зажав в руках книгу и просто наблюдала за открывшейся перед ней сценой. Обе не знали, как правильно поступить, ведь не могли же они отправить Катрин в спальню насильно.

– Тётушка Мэйр и Гвинет согласны со мной, – говорила женщина далее, – я вообще считаю, – в этот момент она мельком бросила взгляд на тётю и продолжила, глядя Уэйну

в глаза, – что умри она во время войны ещё до вашего знакомства, все были бы более счастливы. По крайней мере, ты бы не узнал горечь несчастной любви...

Но последнее слово Катрин договорить не успела. Уэйн понимал, что худшее, что он может сделать в своей жизни – это ударить женщину. Он не смог бы себя простить, даже если бы этой женщиной оказалась кто-то из его двоюродных сестёр, но сейчас, оскорблённый до глубины души словами Катрин, он рывком двинулся в её сторону, и его тяжёлая рука схватилась за воротник её платья. Коротким и резким движением он подтянул её к себе, ткань затрещала, а женщина – взвизгнула. Откровенной агрессии со стороны брата она не ожидала, почему-то на самом деле она была переполнена уверенностью, что Уэйн ничего ей не сделает. Она ожидала, что он может лишь замкнуться, развернуться и уйти. По правде говоря, Уэйн так себя и вёл каждый раз, когда сёстры позволяли себе дёргать его и цеплять за живое, но Катрин не учла одного – последний раз подобное было ещё до того, как Уэйн ушёл на войну, и она не понимала, что перед ней стоит не чуткий юнец, каким он был когда-то, а возмужавший молодой человек. Осознание этого пришло к ней только с чувством страха, который Уэйн вызвал в ней в тот момент.

– Уэйн! – почти хором крикнули тётушка Мэйр и Гвинет, в ту же секунду кинувшись на помощь Катрин.

– Отпусти её, она просто пьяна и не ведает, что говорит, – взмолилась Гвинет, пытаясь заглянуть брату в глаза.

– Уэйн, не совершай ошибку, за которую придётся дорого заплатить, – спокойно, словно голос разума, проговорила тётушка Мэйр, и Уэйн, тяжело вздохнув, отпустил сестру. После чего всё же произнёс:

– Уйди с глаз моих долой!

Катрин же, понимая, что её более не держат, но при этом плохо осознавая, что же на самом деле произошло, молча, быстро поправив волосы, вышла из комнаты. Поражённая вспыльчивым нравом брата Гвинет поспешила за сестрой, бросив последний взгляд на тётушку Мэйр, в котором хорошо читалось: «Мне жаль, что всё так сложилось». Мисс Россер же почувствовала себя до ужаса уставшей, сцена, открывшаяся ей, совершенно её не порадовала. Тяжело вздохнув, она глянула на Уэйна и произнесла:

– Поправь воротник.

После этого, понимая, что чрезмерные эмоции лишили её сил, и ей стало сложно держаться на ногах, она вернулась в своё кресло. Уэйн же не спешил уходить. Суетливыми от переизбытка чувств движениями он поправил на себе одежду, пригладил волосы и пытался выровнять дыхание, но злоба всё ещё горела внутри него, не позволяя спокойно стоять на одном месте, и он обратился к тёте:

– Моим сёстрам более заняться нечем? – раздражённо спросил Уэйн. – Руни покинула нас достаточно давно, чтобы не поднимать разговоры о ней. Более того, подобного характера.

– Летние вечера нужны для того, чтобы вспоминать их зимой, так что думаю, мы ещё долго будем вспоминать Руни, – сказала Мэйр и подняла взгляд на Уэйна, который ходил перед ней словно тигр в клетке. Поведением своих родственниц он был очень недоволен, более чем, но и перечить собственной тёте он бы не осмелился. Катрин и Гвинет, приходящиеся ему двоюродными сёстрами, казались ему женщинами неуправляемыми, он бы назвал их теми ещё чудницами, если бы его попросили культурно о них отозваться, ведь их родственные отношения не позволяли ему в больших красках высказать своё мнение о их поведении. Да и с Мэйр ему приходилось успокаивать себя постоянным напоминанием, что она сестра его отца – мужчины, который полностью контролирует его жизнь.

– Нельзя делать вид, словно Руни единственное интересное, что произошло в этом году на склонах Сноудона, – проговорил он в итоге, – Руни не сделала нам ничего плохого, а жениться на ней когда-то я принял решение сам. Тогда я принадлежал самому себе, а Руни дала мне возможность почувствовать, какого быть свободным влюблённым женщиной. В душе я всё тот же Клем Ирвинг, и я прошу это понимать.

Женщина подняла внимательный взгляд на племянника и заговорила:

– К сожалению для тебя, в нашем тихом месте редко случается что-то интересное, а тут приехала "англичанка" из са-

мого Лондона, и рассказывала нам о родстве и о своей работе на заводе. Как часто подобное происходит в этих краях? Гвинет и Катрин ещё долго будут её обсуждать, а я буду с ними соглашаться, мисс Руни кажется им диковинным зверем, а мне – худшим вариантом женщины, которая могла бы владеть твоим сердцем.

– Вы говорите это только потому, что не можете не согласиться с моим отцом, – ответил Уэйн ей серьёзно, – я верю, что Гвинет и Катрин не понимают Руни, но причина этому одна – они не видели жизни вне Северного Уэльса. Но Вы, тётушка Мэйр, почему отказались принимать Руни такой какая она есть?

– Она может быть какой угодно женщиной, и вести ту жизнь, которая в полной мере её устраивает, – женщина отвечала размеренно, явно задумавшись о своём истинном отношении к Руни, – но рядом со своим племянником я бы хотела видеть валлийку, женщину нашего круга, ту, которая разделяет взгляды нашего общества. Руни человек извне, какой бы она ни была, первопричина того, что никто её здесь не принял в том, что она англичанка. Английских леди, как и джентльменов, тут не особо жалуют, и ты сам знаешь по каким причинам.

– Она часть семьи Россер, у нас общие предки! – в страстях сказал Уэйн, но успел остановиться прежде, чем позволил себе что-то непростительное. Сжав за спиной руки в кулаки, он глубоко вдохнул сквозь зубы, понимая, что Мэйр

молчит только потому, что даёт ему возможность вернуть контроль над своими эмоциями.

– Возможно, Вы правы, тётя, ведь она родилась и выросла в Лондоне, – заговорил он спокойно, – и она воспитана в соответствии с требованиями английского общества, но, если бы мы были готовы принять её, мы бы всё ей объяснили и рассказали. Она бы осталась жить здесь, потому что стала бы частью нашего общества.

Мэйр Россер поджала губы, кивнула, а затем закрыла глаза, явно сдерживаясь, чтобы не сказать своему племяннику в грубой форме, насколько же он глуп. Своими тонкими сухими пальцами она сжала подлокотник кресла, в котором сидела, а потом раскрыла глаза и вновь посмотрела на племянника:

– Она бы здесь не осталась, Уэйн. Тебе стоит это признать, чтобы не жить иллюзиями. Лондон её истинный дом, а жить по нашим правилам женщина с таким характером никогда бы не согласилась. Жить с ней можно будет только так, как скажет она. У Руни приятная, располагающая внешность, её можно даже назвать милой...

– Она очень милая, – согласился с ней Уэйн, и женщина вновь закрыла глаза, но быстро вернула себе контроль над эмоциями.

– Её можно даже назвать милой, – она вновь заговорила, – но это лишь внешность, Уэйн. Внутри это железная леди, несклоняемая, негибаемая женщина. Она не станет...

– Она бегала ко мне каждый вечер, – проговорил Уэйн и молча стал ждать реакции своей тётушки, но та тоже не спешила что-либо говорить. Она смотрела на племянника, надеясь, что он продолжит свой рассказ, но он с этим не спешил. Он продолжал стоять перед тётей и ждал, когда она заговорит, и та, недовольно вздохнув, всё же спросила:

– Бегала? Английская леди?

Уэйн улыбнулся, а потом всё же решил ответить. Он знал, что тётя будет не очень довольна его откровениями, но он искал в этом доме кого-то кроме Эйры, кто смог бы понять его чувства.

– В те дни мы с Руни были друг для друга спасением, единственной радостью. Будь мне разрешено покидать стены госпиталя, я бы сам к ней бегал. А она после смены, пытаясь успеть до комендантского часа, прибегала ко мне, чтобы посидеть вместе во внутреннем дворе и поговорить. Когда я понял, что приближается моё выздоровление, и пришло уведомление из военкомата, что меня готовят отправить обратно, я решил, что, если даже погибну, всегда буду с ней рядом, если нас обвенчают. Вам, живущим здесь, где война была чем-то номинальным, никогда не понять, что я почувствовал, когда познакомился с ней. Она подобна мне, или я подобен ей. Не знаю. Имею ввиду, что мы с ней очень похожи, и мне с ней было очень комфортно, а каждый раз оказавшись в окопе, скрываясь от обстрела, я заставлял себя выжить, зная, что в Лондоне меня ждёт жена. Я выжил благодаря ей, я это

точно осознал, когда моё подразделение вернули в Англию, и я оказался в Лондоне. Я попытался её разыскать, а она, оказывается, ждала меня здесь.

Мисс Мэйр слушала его исповедь, не скрывая своего отношения к ней. Она с трудом сдерживалась, чтобы не перебить его, но потом, когда он всё же закончил, произнесла:

– Какая сентиментальная история. Допущу, что когда-то вы помогли друг другу выжить, но сейчас уже другое время. Война позади, ты вновь дома, и, Уэйн, ты женат, поэтому сейчас не имеет значения, что было в твоём прошлом. Важно только настоящее и будущее, а Руни там нет и не будет, поэтому совершенно не важно, как к ней относятся в этом доме.

– Ох, тётушка, – Уэйн тяжело вздохнул, понимая, что Мэйр подобна его отцу – никогда не сможет его услышать, а потому все его попытки что-то объяснить были бесполезны. Он окончательно в этом убедился, и, казалось, Мэйр была этим удовлетворена, она поднялась из кресла и медленно направилась к выходу. Она открыла дверь и вышла, даже не бросив на племянника последний взгляд.

Уэйн остался в комнате один, но это не огорчило его. Он был рад оказаться наедине со своими мыслями, поэтому он сел в то же кресло, в котором сидела Мэйр, и окинул взглядом комнату.

Она точно такая же, какой была десять, двадцать или даже тридцать лет назад. Малая гостиная в глубине дома: тя-

жёлтые стены, низкий потолок, оленья голова над широким выложенном камнем камином, три кресла на толстых деревянных ножках, обтянутые плотной тёмной тканью, а на одно из них был накинут тёплый шерстяной плед. У одной из стен – комод, на котором стояло оставленное Катрин вино, у другой – книжный шкаф, а на окнах – тяжёлые тёмные шторы в цвет. Весь дворец внутри был оформлен как эта комната, это был привычный для Уэйна домашний уют. Но вот только по-настоящему комфортно он себя здесь никогда не чувствовал, как и Эйра, которая находила проживание здесь безынтересным. Он бы хотел всё оставить и отправиться в Лондон вслед за Руни, но не имел такой возможности. Теперь он был привязан к Северному Уэльсу, а точнее к одному определённом человеку.

Словно почувствовав, что мужчина подумал о ней, она вошла в комнату, но в тот момент Уэйн уже задумался, что плед на кресле такого же глубокого шоколадного цвета как глаза Руни. Его молодая жена, Арлайз Россер, не могла похвастаться красотой, несмотря на близкую родственную связь с основной линией семейства Россер, волосы её были не каштановыми, а тёмно-русыми с серебристым отливом, а глаза неоднородного зелёно-коричневого цвета, при этом она была значительно ниже ростом, ниже не только самого Уэйна, но и Эйры, словно ему посвятили маленькую мышку. Она тихо прошла в глубь комнаты и быстро оказалась рядом.

Несмотря на то, что они оба выходцы из одного рода, они

никогда не были знакомы. Только в день свадьбы Уэйн узнал, на ком же он женится. Это была достаточно хладнокровная, рассудительная женщина, с которой Уэйн не ощущал никакой духовной близости. Она была воспитана людьми старой закалки, поэтому не была способна на проявление ярких эмоций или же на прямой откровенный разговор. С одной стороны, он был рад этому, ведь точно знал, что она не поднимет нежеланную им тему, но при этом иногда он сторал от желания заявить ей, как его раздражает её нарочитое спокойствие, ведь он понимал, что в ней бушуют бури не слабее чем в нём. Какого это оказаться в чужом доме, при этом быть женой человека, которого не знаешь? – по крайней мере именно так представлял себе её душевные переживания Уэйн. Что на самом деле мучило её, если мучило, оставалось для него загадкой. Но он и не пытался её разгадать, ему отчасти было совершенно всё равно, что она хранит на сердце. Даже если бы это оказался другой мужчина, это ничуть не оскорбило бы Уэйна. И сейчас, когда она оказалась у его кресла и положила руки на его спинку, он не почувствовал желания узнать, что привело её сюда. Невидящими глазами он смотрел на плед.

– Ты выглядишь очень уставшим, – заговорила всё же его жена, но этот голос не выражал ни капли беспокойства, словно она говорила то, что должна была сказать любая жена на её месте, – я думаю, тебе стоит отдохнуть. Ты мог бы пройти в спальню и лечь, сон в такую погоду легко настигнет тебя,

и ты сможешь отдохнуть.

– Не хочу перебивать ночной сон дневной дремотой, – ответил ей мужчина, всё же отвлекаясь от пледа, – ко всему, пока не придёт весна я всегда буду в некотором упадническом настроении – не люблю бессолнечные дни.

– Когда живешь в Северном Уэльсе о другой погоде мечтать не приходится, – ответила ему Арлайз, и Уэйн заметил с каким холодом это было сказано, даже немного в укор, и вдруг задумался, что скажи те же слова Руни, она подавала бы их совершенно иначе. Скорее всего она бы усмехнулась, подшучивая над суровостью климата, а не унижая его за чувствительность к погоде. Но всё, что оставалось Уэйну, это мириться с особенностями своей новоиспечённой супруги и пытаться игнорировать ту ненависть, которая росла к ней у Уэйна с момента их клятвы в церкви. Он понимал, что женщина ни в чём не виновата и является тем же заложником положения, что и он сам, но этот брак делал его настолько несчастным, что он лишался возможности оставаться непредвзятым.

– Ты права, вот такая погода в этой части Великобритании, – Уэйн пожал плечами, – мне это очень не нравится, но и выбора у меня нет.

Арлайз раздражала его. Тем, как дышала, как двигалась, что говорила. Сидя с ней за одним столом, он был убеждён, что из всей семьи она кажется ему самой неприятной, и как бы аккуратно она не ела, он испытывал самые настоящие чув-

ство брезгливости и отвращения. Едва он сдерживал себя, чтобы не сорваться. А её слова, не важно о чём она говорила, казались ему личным оскорблением. Именно поэтому он пытался практически с ней не общаться, и в спальню их приходил только когда был готов лечь и моментально уснуть.

Вообще он не задерживался в спальне, и причин для этого было несколько, одной из которых была и неприятная ему жена. Во-первых, его мучили болезненные воспоминания, способные довести до мелкой дрожи, чувства холода и удушья. Именно поэтому он не любил без дела лежать в постели, когда его разумом могли завладеть неприятные ему мысли. Он переодевался в свою пижаму или же ложился в negligé, укрывался и в ту же секунду проваливался в сон. Утром всё было так же быстро. Стоило его сознанию проявиться, а сам он осознавал, что лежит в своей постели, как он сразу же скидывал с себя одеяло. Во-вторых, Уэйну всегда было чем заняться, с кем пообщаться и про поздний час он вспоминал, только когда ему напоминали. Первую половину дня, как и полагалось главному наследнику, Уэйн проводил в работе. Сначала было нужно выполнить её бумажную часть, затем обойти замок и ближайшие земли, обсудить все вопросы с арендаторами, выселить старых, заселить новых, ко всему как будущий главный Россер, Уэйн должен был появляться в церкви. Малоприятное мероприятие, которое отнимало много сил и времени, но всё же он был сыном лорда и это накладывало определённые обязанности. Заканчивал

свои дела он примерно к вечернему чаю, в это же время он возвращался в замок и спешил к сестре. Вечер – время, которое он проводил исключительно с ней. Эйра всегда была рада приветствовать его в моей малой гостиной, и они располагались там, обсуждая всё на свете и при этом не затрагивая никаких фундаментальных тем. И только когда наступал поздний час, Уэйн уходил к себе. И, в-третьих, последняя причина, почему Уэйн не любил в принципе появляться в спальне – его жена. Они лежали рядом друг с другом, под одним одеялом, и каждый раз, когда они соприкасались кожей, его словно обжигало. Для него это было по-настоящему мучительно. При случайном прикосновении он был в силах стерпеть её близость, он лишь сильнее сжимал челюсти и продолжал ночной сон, но если его жена хотела той банальной нежности и любви, которая обычно присутствовала в отношениях молодожёнов, то Уэйн искренне раздражался и с силой отталкивал её руки, произнося "я сплю" или "не буди меня". А девушка, понимая, что её супруг не заинтересован в близости с ней, тяжело вздыхала и отворачивалась от него.

Отношения Уэйна и его жены было невозможно назвать счастливыми, они не были наполнены гармонией и любовью. Она тянулась к нему, но он был неподступный, холодный и пугающе безразличный к ней. И сейчас, когда она пришла к нему, явно выражая заботу и обеспокоенность, он воспринимал это не более чем как навязчивость.

Уэйн поднялся с кресла и бросил на неё взгляд. Арлайз

стояла у окна и вглядывалась куда-то в туман.

– Тебе не скучно здесь? – спросил вдруг Уэйн, и жена обернулась к нему через плечо:

– Удивлена твоим вопросом.

– Ты была когда-нибудь в Лондоне? Хотя, если бы была, то не была бы удивлена моим вопросом. Согласись, тут всё скучно и пусто. Что может нам предложить жизнь в такой глуши?

Уэйн выглянул в окно, удивляясь плотности тумана. Словно на склоны Сноудона кто-то с неба разлил густое молоко. Где-то там за туманом скрываются небольшие каменные домики арендаторов, они уходят вниз по крутому склону и перерастают в небольшую деревню в низине. Там же, чуть дальше, стоит небольшая скромная церковь. И более никаких развлечений здесь, если посещение церкви в принципе можно назвать чем-то увлекательным.

– Всё тебе здесь не нравится. И погода, и скука. Но разве можно так говорить про родной дом? – Арлайз смотрела на мужа без каких-либо эмоций в глазах. Не читалось в её взгляде ни удивления, ни осуждения, ни злости.

Уэйн глянул на неё и горько улыбнулся, поражаясь тому, что его жена словно и не способна на эмоции. Она непроницаемая, а если вдруг и заглянуть в её глубины, то должно быть и пустая, а он скучал по эмоциональности и жару другой женщины.

– Можно, когда твой дом становится твоей тюрьмой. –

Уэйн отошёл от окна. – Ох, я бы хотел уехать отсюда и никогда не возвращаться! Вот только я связан по рукам и ногам браком с тобой. Свернуть бы тебе шею!

Новоиспечённая миссис Россер не стала ничего отвечать. Она продолжала смотреть в пустоту тумана, но Уэйн и не нуждался в её ответе. Он бросил короткий взгляд в её сторону и вышел из комнаты. Когда он оказался в коридоре первого этажа, то почувствовал отвратительное напряжение внутри, а в голове промелькнуло: "Как же я её ненавижу!".

3 глава. Сокровенная ложе золотого плода

Нерис-Хаус ничуть не изменился за время отсутствия Руни. Никто не спешил пробраться внутрь – окна были всё так же забиты досками, а дверь плотно закрыта на тряпку, чтобы её случайно не открыл ветер. Оглядывая серые стены здания, Руни предположила, что особняк интересен жителям Лондона только в ночное время, когда можно было бы пощекотать себе нервы легендами о привидениях или, обманывая свои глаза темнотой, увидеть Нерис-Хаус таким, каким он был ещё до войны.

Руни поспешила пройти внутри, и не успела она задуматься о своей печатной машинке и найденном сундуке, как желудок её стянуло от голода. В её сумке, завёрнутый в платок, всё ещё лежал её завтрак, и она решила его доест. Она вошла в рабочий кабинет своих родителей, поставила сумку на стол и открыла её.

Завтрак потерял всю свою привлекательность и остыл, но это всё ещё была еда, и Руни не стала задавать себе лишние вопросы: не успело ли всё это испортиться, не станет ли ей плохо, или же не стоит ли оставить хоть что-то из имеющегося на утро? Откинув все мысли на задний план своего сознания, она рассматривала оконные откосы, остатки дере-

вянных рам и тщательно жевала еду. В какой-то момент она вдруг задумалась о том, что у неё совершенно нет воды, и почувствовала, как от жажды сжимается её горло.

Соль в сосисках и жареных яйцах иссушила её рот, и Руни невольно облизнула губы, в надежде, что у неё ещё не началось обезвоживание. В голове появилась идея, но Руни плохо понимала, стоит ли её реализовывать. Она стояла у окна, разглядывая доски и спрашивая себя, действительно ли она хочет пить, но ответ ей был очевиден. Она перевела взгляд на каминную дыру, там всё так же лежало письмо от Уэйна. Руни планировала его сжечь совсем позабыв, что ей нечем разводить огонь, а, значит, и воды ей не видать.

За Нерис-Хаус находился небольшой колодец, но Руни ни разу в жизни им не пользовалась, так как особняк был подключён к водоснабжению, и сейчас она бы не осмелилась пить воду из него предусмотрительно её не вскипятив. Именно поэтому Руни убрала платок обратно в сумку, сглотнула густую слюну и вновь выглянула в окно. У неё имелись спички и письмо Уэйна, но этого недостаточно, чтобы вскипятить воду, её даже набрать было некуда.

Как тяжело и одновременно радостно было вновь находиться дома. Нерис-Хаус, определённо, был лучшим местом на свете, несмотря на то, в каком состоянии был особняк, но при этом Руни понимала, сколько сил, времени и средств ей необходимо, чтобы обитель с белыми стенами вновь стал главной гордостью Россер. Особенно тяжело Руни было ду-

мать о розовой гостиной. За всё время с момента приезда она ни разу не вошла в эту комнату. Причина была одна – видеть изуродованную, разграбленную комнату, которую с особой нежностью обустроила её бабушка, а потом с трепетом подерживала её мать, было невыносимо сложно. Ни одна другая комната в доме не была так дорога Руни.

Но сквозь мысли о гостиной, вдруг проявилась одна, настолько яркая идея, что Руни невольно обернулась обратно к своему письменному столу.

Цокольный этаж, в котором располагалась кухня, был тёмным, но у Руни же есть свеча и спички, и она невольно озвучила свою мысль вслух:

– А вдруг ещё что-то есть? Какой-нибудь котелок!

После этого Руни открыла второй ящик комода и достала каминные спички со свечой, которые, как показалось Руни, и сами был не прочь такого путешествия. Быстрым шагом она вышла из кабинета, прошла через коридор и посмотрела вниз, лестница вела во тьму, и Руни предположила, что за годы подземные воды могли просочиться и заполнить этаж. По крайней мере, Руни уже ничему бы не удивилась.

Она зажгла свечу и медленно стала спускаться вниз, приглядываясь, не заблестит ли где-то в свете свечи водная поверхность.

Внизу было влажно, дышать здесь было тяжелее, чем этажом выше, но пол несмотря на это оставался сухим. Перед Руни вытянулся длинный коридор цокольного этажа – нале-

во была кухня, а дальше комната, где когда-то хранился провиант, и несколько спален слуг. Свеча освещала пространство недостаточно, поэтому Руни пришлось ориентироваться ещё и на ощупь. Протянув руку, она нащупала немного влажную стену. На ней словно собрался конденсат, совсем тонкий слой влаги, словно утренняя роса на траве. Продвигаясь вперёд, она нащупала косяк двери в кухню и заглянула внутрь, протянув руку со свечой. Разглядеть помещение ей помогли и два узких подпотолочных окна.

Здесь ничего не изменилось. По крайней мере, так показалось Руни. В свете свечи показался большой разделочный стол, две деревянные табуретки, лохань, в которой мыли посуду и после подведения канализации. К ней была выведена металлическая труба, на которой поблёскивал моховик, которым перекрывалась вода. Дыра кухонной печи была главой кухни, когда-то в ней готовилось всё, что подавалось на семейный стол Россер. По левую сторону стояло несколько шкафов, и в стене прятался кухонный лифт, в котором еду поднимали в буфет, где всё красиво сервировали и подавали в столовой. Сейчас он, как предполагала Руни, уже не работал. По правую сторону стоял один простой деревянный шкаф, и более ничего. Тут так же было и до войны, и Руни невольно улыбнулась мысли о том, что хоть что-то в Нерис-Хаус не переменялось.

Пройдя глубже, Руни открыла шкаф, который стоял у левой стены, и, испытав огромную радость, нашла в нём

несколько котелков и кастрюль.

Найти внизу дрова или уголь Руни не надеялась. В крайнем случае они сырые и не дадут огня, глядя в полумраке на котелок, который приглянулся ей больше всех, она задумалась о том, что ей не нужен и топор. Ветки у ближайших деревьев она может оборвать и руками. При этом она понимала, что готова заставить воду вскипеть теплом своих ладонь, лишь бы утолить начинающую сводить с ума жажду.

Отставив кастрюли, Руни взяла котелок, который можно было бы повесить в печи и закрыла шкаф. Теперь нужна была древесина, и поэтому взяв свечу и оставив котелок на разделочном столе, Руни поспешила подняться обратно наверх.

За годы войны на заднем дворе особняка разрослось небольшое дерево, его можно было назвать подростком, и его ветки не успели набраться силами и крепостью, из-за чего перед Руни, которую мучила жажда, оно оказалось бесильно.

Когда девушка поднялась на первый этаж, она быстро потушила свечу, оставила её в своём кабинете и поспешила через дверь чёрного входа, через который когда-то в дом входили слуги, на задний двор. Руни даже не думала о том, какой вред наносит дереву, её преследовала только одна мысль – утолить жажду. Это была берёза, ветви её были тонкими, и Руни с лёгкостью смогла их обломить, ко всему их тонкость могла обеспечить и их быстрое разгорание. Слабость

от обезвоживания ещё не успела наступить, а съеденные яйца и сосиски дали ей сил, поэтому совсем скоро получился целый ворох веток.

Греть воду Руни решила в кухне, там в печи есть крючок, на который можно повесить котелок, поэтому получившиеся дрова было необходимо отнести туда. Идти за свечой Руни не стала, вполне хватило бы её памяти о количестве ступенек и расположения печи в кухне, поэтому она сразу направилась туда. Жажда заставляла её двигаться быстро, но и осторожность не спала, поэтому, спускаясь вниз по тёмной лестнице, Руни сначала нащупывая очередную ступень ногой, а только потом на неё ступала. Дверной проём в кухню Руни нащупала плечом, и завернув туда ориентировалась в тусклом свете, проникающем через грязные, помутневшие подпотолочные окна. Глаза её привыкли к темноте, поэтому сложностей никаких у неё это не вызвало. Пройдя к печи, она положила внутрь дрова, а после взяв котелок, направилась наверх.

Самое главное, что беспокоило Руни, это наличие воды в колодце и степень её чистоты. Колодец был построен очень давно, Руни могла бы сказать, что его скважина была выкопана значительно раньше, чем был построен Нерис-Хаус. Он напоминал древние английские колодцы, с колесом по которому вниз скользила цепь, на которой висела деревянная бадья. Перекладина же, на котором это кольцо весело, не крутилось, по примеру тех колодцев, которые обычно строили в деревнях. Край верёвки когда-то просто привязывался к

колодцу и отвязывался, когда была необходимость опустить бадью вниз, но уже в XVIII веке технология была доработана, и верёвка крепилась к прокручиваемой рукоятке. Было достаточно сбросить бадью вниз, а потом поднять её, прокручивая рукоять, которая тянула цепь вверх по кольцу и накручивала её на своё основание, после этого бадья отставлялась на край колодца, а сам он закрывался двумя полукруглыми досками, которые защищали воды от дождя.

Выйдя к единственному возможному источнику воды, Руни осмотрела его. Снаружи он совершенно не изменился. Камень, из которого он был построен, не обрушился внутрь несмотря на то, что активно оброс мхом. Цепь в местах начала ржаветь, и Руни понадеялась, что она сможет выдержать тяжесть полной бадьи. Котелок был с круглым дном, поставить его было нельзя, но у колодца рядом была небольшая деревянная конструкция с металлическим крючком – всё для того, чтобы здесь можно было переливать воду в ведра или котелки, и Руни подвесила его.

Теперь было необходимо обратиться с силами и поднять крышки, которые закрывали дыру колодца. Они были большими, тяжёлыми, из толстых, плотных деревянных досок. Они были сбиты и стянуты металлическими жгутами, надёжная конструкция, ведь когда-то именно колодец был главным источником воды для жителей, когда-то звавшимся Сноудон, особняка.

Убрав мешавшую бадью – она болталась на цепи возле

колодца, Руни взялась за ручки на крышках и потянула, но быстро поняла, что это так не работает. Стянуть их было невозможно, они словно дверцы были посажены на петли. Каждая полукруглая крышка поднималась, как открывается дверь, и Руни решила открыть каждую по очереди.

Взявшись за первую, она поняла, что либо крышки очень тяжёлые, либо петли заржавели, и открыть колодец так просто не удастся.

– Ах так?! Хочешь, чтобы последняя из нас погибла в попытках открыть тебя?! – крикнула на колодец Руни. – Открывайся, иначе я умру от жажды, глупый колодец!

И в этот момент дверца, за которую она тянула, двинулась и через секунду распахнулась, отталкивая от себя Руни, которая в результате повалилась назад. Но удержаться на ногах она всё же смогла, в последний момент ухватившись за каменный край колодца.

– Ох, спасибо! – выдохнула Руни и взялась за вторую дверцу.

Её открыть было в разы легче, так как ей уже ничего не мешало. На улице поднялся ветер, и Руни, которая до этого вспотела в связи с тяжестью дверец и огромным количеством приложенных сил, почувствовала холод по спине. Нужно было быстрее решать вопрос с водой, и она сбросила бадью вниз.

Раздался лязг металла – цепь поспешила вниз по кольцу и завертелась рукоять, а потом вдруг замерла – бадья упала

в воду или же на дно сухого колодца. Чтобы узнать точно, теперь ведро было необходимо поднять, и Руни взялась за рукоять.

Что ни пришлось бы уже пережить девушке, но каждое новое испытание от жизни, казалось Руни чем-то невыносимо трудным. До этого, когда она с семейной четой Джонс и их сыном пыталась выжить в поместье её матери, воду с колодца всегда приносил Джон, но теперь он мёртв, никого из слуг у неё не осталось – теперь она совершенно одна, а девочек её происхождения никогда не учили урокам выживания, и физической силой они никогда не обладали, поэтому бадья, полная воды, казалась Руни тяжелее тонны, хотя если вспомнить уроки математики, которые были у Руни в детстве, на цепи сейчас висело не более двадцати пяти килограмм, хотя и это звучит не мало.

Ладони Руни горели, деревянная накладка на металлической рукоятке тянула кожу, устали плечи, но Руни продолжала тянуть бадью наверх. Истинный восторг испытала девушка, когда та появилась из дыры колодца.

Теперь рукоять необходимо было удерживать одной рукой, а другой – подтянуть бадью и поставить на край колодца. Это было той ещё задачей, так как руки Руни уже израсходовали все свои силы.

– Ох, пожалуйста-пожалуйста! – вслух произнесла Руни и навалившись всем своим телом на рукоять, потянулась правой рукой к бадье. Она схватилась за деревянный край вед-

ра и потянула на себя – одно мгновение, и та уже стояла на краю колодца, и Руни отпустила рукоятку, которая перестала сопротивляться.

Следующим шагом было перелить воду в котелок. Бадья была тяжёлая, так как набралась полная, и Руни одновременно обрадовалась и раздосадовалась. Одна бадья – это два обычных ведра воды, а у Руни был один небольшой котелок, поэтому две трети бадьи Руни оказались не нужны. Надавив на бадью весом своего тела, Руни наклонила её над дырой колодца, и вода потекла обратно вниз.

– О, боже! Жажда сводит меня с ума! – Руни вдруг остановилась. – О чём я думаю? Почему бы мне не принести с кухни ещё пару кастрюль и запастись водой так, чтобы реже пользоваться колодцем, ведь это так тяжело! Точно. Бадья, подожди, я быстро!

После этого Руни бегом вернулась в дом и так же быстро спустилась по тёмной лестнице в кухню. Теперь Руни не думала про осторожность, не было больше страха упасть с лестницы, хотелось лишь как можно скорее утолить жажду, которая со временем и с затраченными силами становилась только сильнее.

В шкафу Руни достала две кастрюли и, не опасаясь того, что ей совершенно ничего не видно в темноте, поспешила обратно к лестнице. Она почувствовала, как пнула что-то на бегу, что-то ударилось о стену и испугано запищало. Это было что-то маленькое, и Руни была полностью убеждена в том,

что это всего лишь мышь, а не крыса. Но думать об этом Руни не хотела, жажда сейчас была во множество раз сильнее, чем страх подвальных грызунов.

Быстрым шагом она поднялась наверх и вновь оказалась на улице. Бадья была тяжёлой, но Руни взяла себя в руки, собрала все остатки своих сил и, разлив воду по кастрюлям и котелкам, закрыла дыру колодца и оставила ведро. Самое сложное теперь было позади.

Кастрюли с водой Руни решила спустить вниз в последнюю очередь, с ними здесь всё равно ничего бы не случилось, а жажда уже была такой сильной, что язык прилип к нёбу – во рту не было ни капли слюны. Поэтому, взяв котелок, Руни направилась в кабинет. Забрав с собой свечу, каминные спички и достав из камина письмо от Уэйна, Руни пошла вниз. Всё это пришлось нести в одной руке, так как левой она несла котелок.

Зажгла свечу Руни уже внизу, поставила её на разделочный стол и с огорчением заметила, что пока пламя в печи не разгорится, света для того, чтобы чувствовать себя здесь комфортно, всё равно будет недостаточно.

Изломав ветви берёзы ещё сильнее, чтобы они были мельче и быстрее разгорелись, Руни подождла письмо от Уэйна и подсунула его под дрова. Мехов у неё не было, поэтому она стала пытаться раздуть пламя самостоятельно, и скоро небольшой огонёк стал облизывать дрова и разгораться, и Руни подвесила над огнём котелок, который до этого висел

на специальном крючке, на который обычно подвешивали уже нагретую воду.

Когда пламя активно разрасталось, а береза стала чернеть и потрескивать, Руни накрыла котелок крышкой и направилась наверх за кастрюлями. Они стояли всё там же и ждали её, поэтому взяв их как два таза – прижав кастрюли к бокам и обхватив их руками, Руни вернулась в кухню, где оставила их в сторону и закрыла крышками, чтобы в воде вдруг не утонула мышь или кто-то из населяющих подвал насекомых.

Только сейчас можно было сесть на деревянный табурет и перевести дыхание в ожидании, когда вскипит вода. Пламя, которое до этого было небольшим, так разрослось, что облизывало котелок с разных сторон, и Руни подумала, что переборщила с количеством дров, которые использовала за раз. Но от разгоревшегося пламени значительно светлее и теплее стало в кухне, и Руни испугалась, тянет ли труба дым наружу, или же по кухне медленно распространяется ядовитый газ. Вьюшка была выдвинута, и в комнате не было тяжёлого тумана, но Руни всё же решила выйти из дома и посмотреть, идёт ли дым из трубы.

Она направилась обратно к чёрному входу, так как именно с той стороны было лучше всего видно кухонную трубу, и, выйдя на улицу, подняла взгляд к крыше. Уже собирался закат, поэтому серую струйку дыма было прекрасно видно. Когда Руни вернулась назад, крышка котелка уже подпрыгивала, а вода шипела, вырываясь изнутри и касаясь разгоря-

чѐнной поверхности кирпичной кладки печи.

– Отлично! – Руни использовала подол своего платья, чтобы не обжечь руку, и сняла котелок с крючка, после чего вернула его туда, где он висел совершенно недавно, давая вскипевшей воде остыть.

Пламя в печи успокаиваться не спешило, ещё оставались не прогоревшие дрова, ко всему у Руни остались берѐзовые ветки, которые она всё ещё не кинула в огонь, поэтому девушка решила вскипятить всю воду, которую имела.

Перелив воду из кастрюль в большой котѐл, она повесила его на огонь. Жара в печи и только начавшего ещё больше разгораться огня хватило бы и на него.

Дрова горели, трещали, распадались и превращались в угли, приятный мягкий жѐлтый свет и тепло растекались по кухне, и она быстро поняла, что не одна – мыши подвала поспешили к ней присоединиться греться у огня. Но Руни не стала их отгонять, крыс здесь не было, а мыши не казались ей угрозой, ко всему она не чувствовала себя в таком случае в совершенном одиночестве.

Когда вода в первом котелке остыла так, чтобы Руни не обожгла себе рот, она достала небольшую металлическую кружку и зачерпнула ей воду. Теперь, наконец-то, она могла спокойно утолить свою жажду, и когда вода попала ей на язык, она не смогла удержать слѐзы, которые ударили из её глаз.

Но плакать было нельзя. Не для трат не слѐзы Руни про-

шла такой путь и добыла питьевую воду.

Залпом выпив кружку, она зачерпнула ещё и села на табурет. Вторую кружку она пила медленно, разглядывая пламя в печи. В её воспоминаниях вспыхнул огонь каждого каминного особняка, включая в её комнате или же в спальне родителей. Вспомнилась мама, лежащая в постели, высокая подушка поддерживала её, чтобы ей было легче дышать. Она кашляла, пахло кровью, но она старательно скрывала этот запах ароматом роз.

– Розы, – вслух вздохнула Руни.

Когда-то в доме всё пахло сандалом и розами. Сандаловым маслом её бабушка, Нерис Россер, смазывала руки от сухости, всё, к чему она прикасалась пахло её ароматом, а её мама использовала розовое масло как духи, а позже, как способ перебить запах своего недуга. Но теперь в особняке ничего не пахло ими обеими, никакого запаха кроме сырости, плесени и затхлости. Никакой жизни в особняке, о котором Руни помнила так много хорошего.

И когда мысли о родном особняке, казалось, ушли на задний план её размышлений, её вдруг пронзила яркая эмоция. Не в силах сдержать её, она вскочила с табуретки и всмотрелась в рыжее пламя в печи. От письма от Уэйна не осталось совершенно ничего, нельзя было даже сказать, что из чёрных углей остатки берёзовых веток, а что – тонкий листок письма. Его уже не спасти, оно давно растворилось в памяти, Руни только сейчас, когда жажда отпустила и проявилось яс-

ное сознание, поняла, что растопила печь с помощью письма от Уэйна Россера. Не так давно она считала его мёртвым, а теперь не знала, как отпустить его, как погасить мысли о нём, ведь они преследовали её, пусть она очень старалась не думать о нём.

Мысли о том, что теперь он женат и принадлежит другой женщине, были для Руни мучительны, и она пыталась в первую очередь концентрировать своё внимание на вопросах первой важности. Например, на том, как случайно не умереть от жажды или голода, ко всему ей крайне важно было восстановить особняк: в доме необходимо застеклить окна и поменять замки у входной двери. Но теперь, когда она поняла, что пожертвовала его письмом ради разведения огня, сердце её невольно сжалось от странной тоски. Во время войны она похоронила его, считала его пропавшим без вести где-то на западном фронте, но после встречи в Северном Уэльсе, отпустить его было мучительно сложно.

– Ох, Уэйн, – выдохнула она, – как же я тебя ненавижу.

Пламя стало стихать, когда вода и во втором котелке вскипела, и в итоге в дыре печи остались лишь тлеющие угли, из-за этого в кухне резко стало темно, и Руни зажгла свечу, которая всё это время стояла на разделочном столе.

На Лондон опустился поздний вечер, и оставаться в кухне Руни более не хотела. Жар спал, и быстро становилось холодно, поэтому перемешав угли и выпустив последнее тепло, которое в них осталось, Руни задвинула вьюшку, взяла

свечу и направилась наверх. Дом спал и сегодня не пугал её, так как ветра на улице сегодня не было. Полный штиль, из-за этого дом не казался стонущим, не трещали половицы, только пугающая тень падала от Руни, но она не обращала на неё внимания: поднялась наверх и прошла в свою комнату. Сейчас было важно лечь и хорошо отдохнуть, выспаться в свою последнюю ночь перед выходом на работу.

Проснулась Руни рано, солнце ещё не полностью появилось из-за горизонта, и девушка подумала, что успеет не только собраться на работу, но и навестить перед первым днём миссис Хорсфорд. Она зажгла свечу и спустилась вниз, налила себе воды, чтобы утолить утреннюю жажду и обтерлась влажной ветошью, чтобы провести небольшое подобие утреннего туалета. Еды в доме не было, и голод сжал желудок Руни, но думать об этом она не хотела. Переодевшись в другое своё довоенное платье, девушка накинула на плечо свою сумку и вышла из дома. Уже по выработанной последовательности действий, она закрыла дверь в дом на тряпку, зажав её между дверью и косяком, и направилась в сторону города.

Руни очень давно не видела Золотое яблоко, и предполагала, что этот особняк, подобно ей родному, тоже пострадал во время войны, но всё оказалось совсем не так. Дом её бабушки был словно готовая к замужеству невеста. Перед ним были ровные кусты отцветающих роз, два стоящих зеркально по обе стороны дерева обладали аккуратной, стри-

женой кроной, к главному входу вела дорожка, выложенная камнем. Каждое окно было целым, сверкало в солнечных лучах, словно набежавшая на берег волна. Покатистая крыша была выложена красной черепицей, а стены дома были выкрашены в нежный, едва улавливаемый жёлтый цвет. Четыре колонны держали треугольный фронто́н, в котором было небольшое круглое окно. А периметр здания был украшен пилястрами с каннелюрами. Выглядело Золотое яблоко во много раз богаче чем Нерис-Хаус, но от этого его можно было назвать вызывающим, вульгарным, кричащим о чрезмерном богатстве своих хозяев. Это проявлялось в двух головах льва, которые смотрели на улицу со стен здания. Они были расположены в разных концах парадной стороны особняка, над окнами второго этажа. У дверей в дом с каждой стороны в нишах стояли две греческие девушки, которые словно искусительницы зазывали пришедшего гостя внутрь. А над ней было богатое украшение в виде разросшейся виноградной лозы, с некоторых ветвей которой свисали крупные грозди.

Окинув взглядом Золотое яблоко, Руни столкнулась лицом к лицу с мыслями о том, что, как и Нерис-Хаус этот особняк является её прямым наследством. Но она не обрадовалась этому, она почувствовала появившуюся головную боль.

«И этот дом однажды потребу́ет моей руки, финансовых вложений и банального хозяйского контроля» – подумала она и направилась ко входу.

Слуга, молодая женщина, приняла Руни и провела её в большую гостиную, которая располагалась в конце коридора. В ней на большом диване с ножками и подлокотниками из тёмного дерева сидела миссис Хорсфорд. Как и обычно она была в шикарном длинном платье, с тяжёлыми серьгами с бриллиантами, на правой руке – увесистое крупное золотое кольцо. Её седые волосы были собраны в небольшую причёску на затылке. Она выглядела потрясающе, но это не сглаживало и не приуменьшало её возраста и развивающихся на его фоне болезней. Её голова немного потряхивалась – результат перенесённого кровоизлияния в мозг, руки были слабыми и тоже дрожали, но спину она держала ровно, не позволяя ничему из перечисленного сломить её дух. Глядя на неё, Руни задумалась о том, сколько же силы скрывается в этом ослабевшем от возраста теле.

– Снова здравствуй, – проговорила она, оборачиваясь к внучке.

– Здравствуйте, – ответила ей Руни.

– Ты пришла, присаживайся, – говорила женщина, и Руни села в кресло напротив дивана, – что случилось? У тебя кончились деньги?

– О, нет, бабушка, что Вы!?! – Руни растерялась от подобной прямолинейности. – Я пришла сказать, как у меня дела. Живу я в Нерис-Хаус, но дом сильно пострадал. Бабушка, денег у Вас я просить не стану, я устроилась на работу в The Times. Я увидеться просто хотела, я...

– Я понимаю, – женщина кивнула, – ты здесь совершенно одна, а город и жизнь здесь сильно изменились. Я совершенно не против, приходи ко мне – я тоже одинока. Ты меня единственная родная душа. Ты будешь чай?

Это слово показалось Руни волшебным – чай. Последний раз она пила его в доме своих дальних родственников, но ей казалось, словно это было вечность назад.

– Не стоит беспокоиться, – Руни покачала головой, – я завтракала дома.

– И что ты ела? – с лёгкой усмешкой спросила женщина. – Боюсь, сейчас ты мне говоришь не всю правду. Ты хочешь оставаться сильной в чужих глазах, но мне кажется, перед близкими можно показывать своё истинное лицо.

Руни не знала, что на это ответить, и женщина позвала прислугу, которой было поручено принести чай и различные сладости к нему.

Слуги миссис Хорсфорд отличались удивительной юностью и свежестью, все они казались Руни младше неё. У них была жёсткая униформа, и Руни вспомнила, что каждый служащий Нерис-Хаус имел право одеваться так, как ему хотелось, главное, чтобы это не нарушало существующий правил приличия. В Золотом яблоке же девушки были одеты в чёрное платье с длинным рукавом, спереди был белый, накрахмаленный передник, а на голове белый чепчик, который был исключительно декоративный. Он не был в силах даже удерживать волосы, которые девушки крепко стягивали на затылке

и завязали белым небольшим бантом. Юноши, которые появлялись перед Руни были в чёрных брюках и гладких белых рубашках, а на шеях их были завязаны чёрные галстуки-бантики, закреплённые булавкой с бусинкой на головке.

Гости Золотого яблока могли быть уверены, что они будут обслужены не хуже, чем в мишленовском ресторане, так помпезно выглядели слуги, так дорого сервировался обычный чайный столик, такая возвышенная обстановка создавалась вокруг. В этой картине измученная голодом, в старом потрёпанном платье Руни почувствовала себя лишней. Каким позором было выглядеть хуже слуг собственной бабушки.

Но Руни не успела огорчиться по этому поводу, как в комнату вошли красивые слуги и подали чай с шоколадными конфетами, овсяным печеньем и мармеладом.

– Угощайся, моя дорогая! Бери всё, что хочешь! – говорила миссис Хорсфорд.

– Единственное, что я хотела бы, бабушка, – говорила Руни, игнорируя чашку чая, что стояла перед ней, – это узнать, живы ли мои друзья, одна из которых бастард Анна Хорсфорд.

– Я постараюсь поднять какие-нибудь справки, – ответила ей женщина, а потом бросила неодобрительный взгляд на угощения и чай и строго произнесла: – ты не уйдешь отсюда голодной.

– Хорошо, я обязательно что-нибудь съем, – ответила Ру-

ни и осмотрела стол.

– Руни, у меня есть к тебе небольшая просьба, – вдруг очень серьёзно произнесла миссис Хорсфорд.

– Какая же? – Руни удивлённо подняла на родственницу взгляд, так и не прикоснувшись ни к чему, что стояло перед ней.

– Тебе нужна домработница, пока одна, но кто-то, кто будет помогать тебе, – ответила женщина, – я вижу мозоль на правой руке, да-да, вижу, это следствие тяжёлого труда, твои руки к этому были не готовы, тебе точно нужна женщина, которая уже и не замечает новых мозолей!

– Бабушка, когда-то я занималась огородом, чтобы выжить, а тут всего лишь восстановление особняка, – Руни качнула головой.

– Огородом ты тоже не одна занималась, я знаю, что у тебя было сразу трое слуг, – миссис Хорсфорд неодобрительно покачала головой, явно будучи недовольной тем, что её внучка смеет ей перечить.

Руни понимала, что спорить бесполезно и всё же взяла одно шоколадное овсяное печенье и решила выпить чай. В любом случае лучше так, чем ночью жалеть о том, что ничего не съела в гостях, когда начнётся тошнота от голода.

Но остановиться после одного печенья оказалось невозможно. Руни была не только голодна, ей казалось, словно вечность не ела ничего сладкого. Короткой передышкой было время, пока она гостила у дальних родственников, но её

желудок считал, что это было слишком давно, поэтому она попробовала и мармелад. Он был порезан небольшими квадратиками и посыплен сахарной пудрой: красные, жёлтые, зелёные кусочки, и у каждого свой вкус. Руни была уверена, что красный цвет – это клубника, зелёный – яблоко, а жёлтый никак не могла отгадать. Девушка с большим удовольствием задержалась бы и выяснила, на основе какого фрукта сделан жёлтый мармелад, но было необходимо отправляться на работу, и только когда стены Золотого яблока остались где-то позади, Руни вдруг поняла:

«Эврика! Так это же груша!» – теперь с хорошим настроением, пусть и с небольшой тревогой Руни продолжила свой путь на работу.

Продолжая свой путь, Руни обдумывала слова своей бабушки, ведь та была абсолютно права – Руни никогда не оставалась в полном одиночестве, рядом с ней всегда кто-то был, на кого можно было положиться. И в итоге, когда перед девушкой появились стены The Times, Руни решила воспользоваться советом своей бабушки, понимая, что человек с таким огромным жизненным багажом не может ошибаться в таких вещах. Главным жителем Нерис-Хаус после неё самой должна была стать экономка, и Руни решила при возможности подать объявление в их же газете.

Когда Руни увидела стены издательства, дыхание её сбилось, а сердце вдруг ударило с такой силой, что голова закружилась. Первый день на своей первой работе – Руни очень

переживала справится ли она с обязанностями, которые согласилась на себя взять. Ей предстояло войти в коллектив профессиональных журналистов, в то время, когда она никогда в жизни ничего не писала серьёзнее глупых лирических стихов, которые писала каждая девушка в подростковом возрасте, и небольших набросков о жизни своей матери.

Пытаясь ровно дышать, чтобы контролировать разрастающуюся внутри неё панику, Руни прошла к ступеням, медленно поднялась по ним, так как её всё ещё не отпускало неприятное головокружение и вместе с так же идущими на работу людьми, вошла внутрь. Главный холл сегодня производил на Руни совершенно другое ощущение. Она помнила, как совершенно недавно приходила сегодня как клиент, а теперь она одна из сотрудников издательства.

Марго не было на её привычном месте, и Руни невольно подумала, что старший журналист ещё не явился на работу. С общим потоком людей она прошла через холл в коридор и заметила мистера Бланш. Он направлялся к своему кабинету и выглядел очень сосредоточенным, отчего показался Руни мужчиной серьёзным и даже строгим, отчего паника вновь вспыхнула в Руни, и она невольно глубоко вдохнула через рот.

При этом окружающие её люди делали вид, словно и не замечали её. Они разговаривали между собой о рабочих вопросах, желали друг другу продуктивной работы или рассказывали о событиях прошедшего вечера. Руни, которая ни с

кем не была знакома, чувствовала себя крайне неловко, поэтому решила как можно скорее пройти в кабинет журналистов, сесть на своё место и попытаться с кем-то познакомиться.

С общим потоком людей она вошла в прокуренную большую комнату, заставленную столами, быстро нашла взглядом тот стол, который ей выделила Марго и поспешила к нему. Место ей уже подготовили, на столе стояла печатная машинка и рядом была оставлена небольшая записка, отличающаяся ровным подчерком:

«Доброе утро, Руни О'Рейли Россер Хорсфорд, поздравляю с первым рабочим днём! Марго Филипс»

Глубоко вдохнув, Руни отложила записку и села на стул, понимая, что познакомиться с кем-то будет для неё большой трудностью. Почему-то она чувствовала себя вдруг онемевшей и при этом прозрачной, незаметной для большинства, как вдруг почувствовала на себе взгляд, и невольно обернулась. С другой стороны кабинета на неё смотрели два идентичных лица, близнецы, которых она видела в день, когда её взяли на работу, но, заметив прямой взгляд Руни, они сделали вид, словно заняты своим делом.

Несмотря на то, что Марго ещё не было, люди не спешили рассаживаться по своим местам, они собирались в свободной части кабинета, где как раз стоял стол Марго, и Руни заподозрила, что ей стоит встать вместе со всеми – может быть, это часть традиционного начала каждого рабочего дня? Мо-

жет быть, они встречаются Марго и только потом принимаются за работу? Встречают Марго?

Чувствуя, что паника становится совершенно неконтролируемой, а неловкость заставляет её сгорать от неприятного чувства неуверенности в себе, она поднялась со стула и прошла ко всем, кто стоял у стола Марго.

Шла она медленно, неуверенно, оглядываясь, все ли журналисты вышли вперёд, и заметила, что странные близнецы тоже оставили свои дела, взяли в свои руки записные книжки и направились в след за Руни.

«Блокноты!» – кровь ударила в лицо девушке, и она невольно бросила взгляд на руки каждого присутствующего журналиста, каждый был наготове, держал в руках записную книжку и шариковую ручку. – «Планёрка!».

Именно в этот момент послышался стук каблучков по коридору, и в кабинете стало значительно тише.

– Всем доброе утро! – перед ними появилась Марго, сжимающая в правой руке горящую сигарету, а затем глубоко затянулась. – Сегодня все явились? Руни, хорошо, вижу тебя. Отлично.

– Марго, – подал голос кто-то из журналистов, – я нашёл этого человека, мы говорили про него вчера!

– Отлично, Стефан, – ответила ему Марго, даже не посмотрев в сторону журналиста.

– Свяжись с метеорологами, нам нужна погода на неделю, и это пишешь ты, – Марго почему-то сердито посмотрела на

Руни, явно стараясь отстоять свой авторитет, – это будет на последнем развороте, но мне нужен качественный материал. И будь внимательна, я проверю на тавтологию.

Только в этот момент журналисты заметили Руни и невольно все на неё обернулись, а сама девушка почувствовала себя так неловко, что была готова провалиться сквозь землю. Марго, с ясной только для неё целью, почему-то самой первой выделила именно её, отчего многие даже забыли, что сами хотели обсудить с Марго и внимательно рассматривали Руни. Коллектив по большей части состоял из мужчин, поэтому Руни почувствовала себя так словно стоит на улице в свете фонаря. Но долго это мучение не продлилось, так как Марго посыпалась распоряжениями как рог изобилия, обращаясь к другим журналистам. И в итоге, все были так увлечены поднятыми темами, что Руни вновь оказалась в тени. А не успела Руни заскучать, а Марго вдруг громко хлопнула в ладони и крикнула:

– Теперь за работу!

Плохо держась на ногах, Руни вернулась к своему рабочему месту, опустила на стул и невольно затряслась в мелкой дрожи. Но не успела девушка подумать о том, как ей себя жаль, как к столу подошли те самые журналисты с одинаковыми лицами. Это были молодые люди, они были явно младше Руни и казались обворожительными и легко располагающими к себе людей.

– Мы можем помочь тебе, у нас есть номер, по которому

ты можешь узнать всю необходимую информацию, – заговорил один из них, – да, и давай наконец познакомимся. Меня зовут Эрнесто, а моего брата – Марко. Мы из семьи итальянских эмигрантов, но не думаю, что ты о нас слышала.

– А меня зовут Руни, – ответила девушка.

– Ну, твоё имя сейчас у всех на устах, – ответил Марко, улыбнувшись.

– Да, новый женщина-журналист, – согласился с ним Эрнесто, – и, если что, мы всегда готовы тебе помочь.

– Я была бы очень благодарна за помощь! – честно ответила Руни. – Спасибо вам!

– И ты не бойся, здесь никто не кусается кроме Эндрю, – и Марко подмигнул девушке.

– Да и ему легко зубы выбить, – улыбался Эрнесто.

– И язык подрезать, – согласился с ним Марко.

– Хорошо, – ответила Руни, и один из молодых людей протянул Руни небольшую визитку, на которой был написан номер телефона:

– Телефон в холле, по правую сторону, где лестница на второй этаж, единственный аппарат на журналистов и продавцов, там порой бывает очередь, но, если сейчас пойдёшь, он должен быть свободен.

– Я ни разу не звонила по телефону, – честно призналась Руни шёпотом, чтобы никто вокруг кроме юношей это не заметил.

– Ничего страшного, многие воспользовались телефоном

впервые именно в стенах этого здания, – ответили братья.

Страх и смущение покинули Руни, вместе с братьями Марино она направилась к телефонному аппарату, понимая, что обзавелась первыми друзьями на рабочем месте. Именно поэтому Руни не стеснялась задавать вопросы и откровенно выразила своё непонимание по поводу использования телефона. Он висел на стене, сбоку на подобии курка висела тяжёлая металлическая трубка, а цифры были написаны по кругу.

– Ничего сложного, эту линию уже подключили напрямую, с оператором связи больше нет, – говорила Эрнесто.

– Первым делом снимай трубку, если будешь набирать номер, пока она висит на рычаге, вызов не будет осуществлён, – говорил Марко, и Руни взяла в руки увесистую чёрную блестящую лаком трубку.

– Прижми к уху, – посоветовал Эрнесто, и Руни услышала внутри неё частые короткие звуки, – слышишь гудки?

– Да, – ответила Руни.

– Если после набора номера телефона ты услышишь такие гудки, значит, человек которому ты хочешь позвонить, сейчас разговаривает с кем-то другим и необходимо позвонить позже, – ответил Марко.

– Смотри, тут дисковый набиратель, – Эрнесто привлек внимание Руни к цифрам по кругу, – цифры от нуля до девяти по кругу внутри вырезов в диске.

– Набираешь номер по цифре по очереди, тянешь диск

от нужной цифры до этого металлического ограничителя, – Марко быстрым движением глянул на визитку в руках Руни, желая освежить в памяти необходимый номер и указательным пальцем потянул первую цифру.

Диск двигался медленно, плавно, и когда Марко отпустил его, он так же плавно начал возвращаться в своё первоначальное положение.

– Следующую цифру – ты, – Эрнесто бросил взгляд на Руни, и та, когда диск остановился, потянула следующую цифру в номере телефона.

Отлично, набирай телефон полностью, – сказал Марко, и девушка подчинилась, а через секунду в трубке послышались гудки, и Руни только сейчас заметила, что пока она набирала номер в телефонной трубке была тишина.

Эти гудки были совершенно другими. Они были длинными и ровными, а затем вдруг послышался мужской голос:

– Станция метеорологии, слушаю.

– Здравствуйте, – заговорила Руни, – мне поручили написать статью о погоде на следующую неделю.

– Руни, – заговорил Марко, – так не звонят.

– Представься, скажи, какое ты издательство, – подсказал Эрнесто.

– Прошу прощения, – Руни почувствовала себя крайне неловко, но всё же решила начать всё с начала, – меня зовут Руни Хорсфорд, я журналист The Times, мне нужна информация о погоде на неделю для новостной статьи.

– Женщина, – вздохнул мужской голос с трубки, – я слышу мужской голос, передайте трубку, пожалуйста.

И Руни оторвала её от уха и поспешила протянуть трубку Эрнесто, который стоял к ней ближе, но тот вдруг отпрыгнул в сторону от девушки как от огня и строго проговорил:

– Марго поручила это задание тебе.

– Но он не хочет со мной разговаривать, – с некотором обидой в голосе проговорила Руни.

Братья переглянулись между собой, Марко бросил невзначай: «Договоришь, повесь трубку на рычаг обратно», – и они ушли, оставив Руни в полном одиночестве, а девушка оказалась вынуждена прижать телефонную трубку обратно к уху.

– Боюсь, я осталась одна, и Вам придётся разговаривать со мной, – проговорила она.

– Надеюсь, мне не придётся повторять дважды? Вы взяли, куда запишите всё, что я продиктую?

– Да, конечно! У меня с собой чистый лист из машинки и шариковая ручка, которую мне одолжил Эрнесто! – ответила Руни и поняла, что от волнения говорит лишнее. – Простите, я понимаю, я кажусь Вам дурой, но я никогда до этого не работала журналистом.

– Если Вы вообще где-то до этого работали, – проговорил уставший мужской голос в трубке, – записывайте. Погода на воскресенье...

Писать стоя было неудобно, но длина провода трубки поз-

волила Руни сесть на пол и, положив лист бумаги на колено, она принялась писать под диктовку. На самом деле разговор не занял и более пяти минут. Мужчина продиктовал температуру днём и ночью, наличие осадков и скорость, и направление ветра, и на этом всё.

– Спасибо Вам огромное, что передали мне информацию! Думаю, я звоню Вам не в последний раз, поэтому надеюсь, что через неделю Вы примите меня радушнее! – говорила Руни, когда настал момент прощаться.

– Надеюсь, в следующий раз, когда Вы позвоните, Вы не заставите меня гадать кто Вы и представитесь сразу, – ответил мужчина.

– Я поняла свою ошибку, простите.

– Удачи в выбранном поприще! – после этого в трубке снова послышались гудки, и Руни повесила её обратно на рычаг.

Выдохнув, ведь теперь, когда звонок состоялся, она испытывала облегчение, она поспешила вернуться на своё рабочее место. Было необходимо браться за статью.

Помимо Марго и Руни среди журналистов были и другие женщины, но они значительно от них отличались. Особенно от Руни. Первая была громкой, говорливой, любящей крепкий кофе без сахара и без зазрения совести говорить всё, что думает. С лёгкой руки, но низким громким голосом она могла выговорить Эндрю то, какой же он редкостный идиот и неудавшийся журналист. А затем вдруг закатисто засмеять-

ся и хлопнуть в ладоши, забавляясь беспомощностью мужчины. Она мало писала, но если писала, то её статьи отличались жёсткостью, категоричностью и пронзительной честностью. Она не пыталась быть мягкой и обходительной. Её звали Франциска Фернандес.

Второй была среднего роста женщина, но ужасно истощённая, от того казалась Руни мумией. Её короткие чёрные волосы было практически невидно из-под шляпки, а под глазами были тёмные круги. Она мало разговаривала, чаще была тенью своей более общительной коллеги, рядом с которой и сидела, и смотрела на мир незаинтересованным скучным взглядом. Обычно она садилась на угол стола своей эмоциональной подруги и слушала, как та высказывает Эндрю своё мнение о том, что ему следовало бы чаще молчать или о том, что она бы самолично скрутила ему шею, будь у неё на это право. Её имя было Лили Варгас. Но подобное случалось редко, так как обе часто бывали в разъездах по городу.

И единственный, с кем Руни могла бы пообщаться во время работы в офисе оказался её сосед – Клем Беррингтон. Но и это было большой редкостью, да и если вдруг кто-то из них заговаривал, Руни чувствовала себя обычно очень неловко.

Взявшись всё же писать о погоде, она столкнулась с проблемой часто повторяющихся слов: «ветер», «облака» и «солнце», – понимая, что именно этим может оказаться недовольна Марго. Читать статью было неприятно и сложно, но, когда ты пишешь о погоде невозможно избежать повто-

рение данных слов. Понимая, что она в абсолютном тупике, Руни подняла взгляд, легко пробежалась им по столу своего соседа и выпрямилась, размышляя о том, как заменить повторяющиеся в тексте слова. В этот момент она заметила неуверенное движение Клема, и совсем растерялась заметив, что он внимательно смотрит ей в глаза. Он приблизился совсем близко, и Руни невольно сглотнула, ощущая себя крайне неловко.

– Какие удивительные глаза, очень редкий оттенок! – заметил вдруг он, а Руни плохо понимала, что необходимо ответить на столь странный и неожиданный комплимент.

– Глаза? – только и смогла вымолвить она, как вдруг слева от неё на стол своими локтями упала Франциска. Она внимательно заглянула Руни в глаза и многозначительно хмыкнула, а потом недовольно произнесла:

– Что тут необычного? – она явно была разочарована. – Обычные карие глаза!

– Нет, – Клем качнул головой, продолжая внимательно изучать цвет глаз Руни, – я такие вижу второй раз в жизни.

– Ладно, – Руни вымученно улыбнулась, не в силах выдержать прямой взгляд, – спасибо за комплимент, мне очень приятно.

Пусть на самом деле она не до конца понимала, что именно чувствует, и действительно ли ей приятны слова её коллеги. После этого она убрала выбившуюся прядку за ухо и вернулась к своей статье, активно застучав на печатной ма-

шинке. Пытаясь избежать прямого взгляда с Клемом, она всё же придумала, как красиво обыграть статью с прогнозом погоды.

Руни показалось, что интерес со стороны Клема ни более чем попытка выстроить доверительное общение с новым сотрудником, и именно поэтому в течение дня мужчина более не проявлял к ней способный смутить её интерес, но несмотря на это, Руни иногда бросала взгляд в его сторону, пытаясь поймать его заинтересованный взгляд, но мужчина занимался лишь своей работой.

Конец рабочего дня наступил слишком быстро, Руни и не заметила, как за окном стемнело, а люди вокруг неё стали расходиться по домам. При этом сама она чувствовала себя так, словно выпала из потока времени, а окружающие люди кажутся ей ненастоящими, словно они бумажные фигурки. Или же между ними и ей есть прозрачное матовое стекло, сглаживающее реальность.

Поднявшись со своего места, Руни поняла, как устали её ноги от сидения на стуле весь день, а через мгновение ощутила странную радость от мысли, что теперь она идёт домой. День растерянности, смущения и не понимая, что и как следует делать остался позади, теперь она могла спрятаться от всех в стенах своего дома.

– До завтра, мисс Хорсфорд, – проговорил Клем, поднимая левой рукой шляпу со своего стола.

– До свидания, – ответила Руни, а затем с ней поспешили

попрощаться каждый, с кем она успела познакомиться сегодня.

Домой Руни решила вернуться пешком, хотелось проветрить голову и обдумать всё, что случилось за день, но голова казалась тяжёлой и пустой. Усталость давила на Руни, она чувствовала себя измотанной и измученной, хотя, как ей казалось, не сделала за день ничего внушительного. Она подошла к дому и подняла на него взгляд – солнце уже село, и в темноте особняк казался точно таким же, каким был до войны. Построенный ещё в XVII веке он полностью соответствовал моде того времени. Он был построен в классическом стиле с симметричными линиями и изящными колоннами, которые поддерживали фронтоны и формировали роскошный центральный вход. Трёхэтажное здание с белёными стенами и крышей, покрытой серой черепицей. Глядя на дом, Руни не могла поверить, что, когда взойдёт солнце, она увидит его таким, каким он есть – умирающей, раненной голубкой, ждущей спасения.

Проходя ближе, Руни заметила, что на мраморных ступенях что-то лежит, и невольно напряглась. Любопытство толкало её вперёд, но она плохо понимала, стоит ли брать в руки оставленную вещь. Но когда она оказалась ближе, она поняла, что перед ней лежит толстый конверт – это было письмо, и Руни плохо понимала от кого оно.

Она наклонилась, пригляделась, но в темноте было практически невозможно прочитать имя адресата, поэтому ей всё

же пришлось взять письмо в руки. Прищурившись, полностью сконцентрировавшись на конверте, она всё же смогла расшифровать наклонный подчерк с сильными завитками: «Уэльс, Гуинет, Атюрабрин. Эйра Россер».

– Атюрабрин? – вслух произнесла Руни. – Так вот как называется их замок. Наконец-то столько времени спустя я это знаю.

На улице в свете Луны было во много раз светлее чем в доме, поэтому Руни села на ступени и вскрыла конверт. Она плохо понимала, чего она ждёт от письма, так как уехала из Уэльса найдя в дальних родственников врагов, а не друзей, но при этом точно знала, что Эйра никогда бы не написала ей что-то оскорбительное. Достав сложенные листы бумаги, Руни бросила взгляд на объём письма, но быстро успокоилась – Эйра писала удивительно крупно, а заглянув в конверт увидела там ко всему небольшой подарок. Это был перстень. Мужской. Из золота и с драгоценными камнями, какими именно Руни в темноте понять не могла, поэтому большим пальцем провела по их поверхности, предполагая, что она сможет определить их наощупь.

Она бросила перстень обратно на дно конверта, и, развернув письмо под свет полной Луны, решила прочесть послание.

«Здравствуй, сестра.

Прости меня. Возможно, сейчас прочитаю, как я тебя назвала – ты оскорбилась, и я понимаю. Я бы оскорбилась са-

ма, так как настоящие сёстры не поступают так, как поступила я. Я прекрасно понимаю, что это письмо ты не ждала, но не могу не прислать тебе весточку. Мне очень жаль, что я тогда не вышла с тобой проститься. Я должна была попрощаться с тобой так, как предписывает не только этикет, но и наша с тобой дружба. Но вместо этого я оставила тебя один на один с твоими переживаниями и терзаниями. Не в оправдание скажу, но мне тогда тоже было очень плохо. Я мечтала, чтобы ты точно и бесповоротно стала моей сестрой, связав себя узами брака с Уэйном, но отец решил всё иначе, и я знала, что ты уедешь, оставишь нас, ибо не было причин оставаться в месте, где никто кроме меня тебя не принял, и это по-настоящему ранило меня. Но я совсем позабыла, как при этом больно тебе. Я как истинная эгоистка отказалась принимать твои чувства и оказать тебе сестринскую поддержку, и вместо этого лелеяла собственные переживания. Это некрасиво, низко, я словно уподобилась остальным Россер, неспособным видеть мир за пределами своих интересов. Ты мне очень дорога Руни. В тебе я нашла верного друга и замечательную сестру, и не хочу тебя терять. Да, эгоистично и глупо после той раны, которую я нанесла тебе, что-то говорить о моих чувствах и желаниях, но всё же я скажу – я очень хотела бы поддерживать с тобой переписку. Руни, пойми меня, ты была единственной радостью в округе, и не потому, что как Катрин и Гвинет я нахожу тебя смешной, а потому что с

тобой единственной я могла быть собой. Твой отъезд для меня истинное мучение. Мне тебя очень не хватает.

Но хватит о моих чувствах! Я знаю, что сейчас в Лондоне переживаний тебе и так хватает. Мне сложно представить, в каком состоянии твой особняк сейчас, ведь Лондон сильно пострадал во время войны, поэтому, наверное, и твой дом нуждается в ремонте. Я более чем уверена, что ты, как истинно сильная женщина, пытаешься решить все свои проблемы самостоятельно, и вряд ли попросишь кого-то о банальной помощи, и я не сужу тебя за это, а наоборот – восхищаюсь той удивительной силой духа, которой ты обладаешь. Не считай это лестью с целью получить твоё прощение. Я говорю то, что думаю. Наверное, именно завидуя твоей самодостаточности и решительности, Катрин и Гвинет так не любят тебя, но это лишь показывает, насколько же они слабы морально. Возвращаясь к теме о помощи, я хочу сказать, что пусть ты её и не просишь, в этом мире есть те, кто всегда готов тебе её оказать, как бы ни складывались твои дела. Именно поэтому вместе с письмом я вложила в конверт перстень моего деда лорда Вельзевула Россер. Не храни его – нечего хранить вещи демона воплоти, продай и пусти деньги с него на ремонт или собственные нужды.

Я буду надеяться на твоё ответное письмо. И очень надеюсь на прощение. Желаю всего наилучшего!

С тёплыми объятиями и мягким поцелуем, твоя сестра

Эйра Россер.

15.09.1922 г.».

Перстень был крупным. Страшно было представить, какой размер руки был у её предка, ведь кольцо было велико Руни даже когда она надевала его на два пальца.

Золотое, но не такое яркое, как новые кольца в ювелирных магазинах. Металл не литой, кольцо было сделано из множества золотых завитков, который сходились вместе и держали большой красный камень. Скорее всего её предок носил его на среднем пальце, и предавшись фантазиям она представила высокого плечистого мужчину, который внушал окружающим страх и уважение одновременно.

4 глава. Песнопения богов смерти

Деньги от бабушки у Руни ещё оставались, но их было недостаточно для того, чтобы обеспечить новые окна во всём доме, именно поэтому Руни откладывала их покупку и установку до того момента, когда получит свою первую зарплату. Благодаря коллегам у неё получилось найти в городе стекольщика и хорошую лесопилку, надеясь, что на их услуги средства у неё найдутся. Было крайне необходимо сделать окна, прежде чем дом начнёт страдать от непрекращающихся осенних дождей. В первый же выходной Руни решила осмотреть каждую комнату, чтобы определиться с тем, что она оставит, а от чего следует избавиться. Проходя из комнаты в комнату, она поняла, что необходимо будет перестелить полы – где-то деревянные доски сгнили и прогибались, где-то рассохлись и скрипели. Качество пола за все эти годы сильно пострадало. Покосились двери, поэтому в некоторых комнатах они не закрывались, и это было необходимо исправить. Руни понимала, что ей предстоит найти в городе хорошего и недорогого плотника, который согласится работать на неё. Некоторые люстры в доме сохранились, никак не изменились, только толстый слой пыли лишил их былой привлекательности. В некоторых местах люстр не было вовсе, только голые провода торчали из потолка, а где-то из стен, где когда-то были бра. А некоторые люстры были разбиты, как

например одна на третьем этаже, которую случайно разбила сама Руни, пытаясь победить дверь на чердак. Некоторые из них можно было бы спасти, если попросить стекольщика восстановить их, другие же можно было продать на запчасти на барахолке. Что касается стен – Руни предстояло обрвать остатки старых обоев, купить и наклеить новые. Помимо прочего было необходимо восстановить водо- и электроснабжение, отремонтировать кровлю, покрасить наружные стены, восстановить колонны, ступеньки крыльца и заняться газоном и клумбами. Работы предстояло много, денег на всё это не было, времени ждать – тоже, ведь разгоралась осень, а за ней придёт зима.

Работа в издательстве шла своим чередом, Руни ближе становилась с коллегами, вникала в работу и пыталась быть старательным сотрудником. С разрешения Марго, Руни всё же написала небольшую заметку о поиске экономки в Нерис-Хаус, не заметила, как пришли выходные.

Придя в свой кабинет, Руни села за печатную машинку. Обдумывая ремонт, она составила план своих дальнейших действий. Пунктом номер один были окна, а вторым – крыша. Стоит только начаться дождям, которые будут проникать в дом и пропитывать его влагой, и Нерис-Хаус начнёт разрушаться. Дальше пункты: починить двери, перестелить полы, зачистить стены, а дальнейшие планы будут отталкиваться от финансовых возможностей Руни.

Отложив в сторону список дел по восстановлению Нерис-

Хаус, Руни всё же решила написать письмо сестре. Она понимала, что Эйра ждёт его, но плохо представляла о чём ей следует писать. Жаловаться на судьбу Руни не хотела, но и приукрашивать действительность тоже. При этом она точно знала, что не станет ничего спрашивать про Уэйна. Она решила для себя, что с момента её отъезда из Северного Уэльса данная тема – табу. Руни могла бы написать, что прощает её и понимает её чувства, но она могла изложить эти мысли в двух-трёх предложениях, а она всё же хотела написать письмо, а не записку.

Собравшись с мыслями, Руни застучала по рычагам машинки:

«Дорогая моя Эйра,

Я не держу на тебя зла и продолжаю считать тебя не только своей сестрой, но и близкой подругой. Могу сказать, что я в принципе по натуре человек не обидчивый, и даже если мои чувства затронуты, я не могу долго сохранять дурное настроение – я быстро отходчивая. Поэтому не переживай на этот счёт.

Когда я уезжала, я подумала, что если ты не вышла, то, возможно, наблюдаешь за моим отъездом через окно, но я не увидела тебя ни в одном из них. Но и в тот момент я не почувствовала обиду, так как думала лишь о том, что я обязана уехать. По существу, я просто сбежала, и мне было всё равно, выйдет ли кто-нибудь проститься со мной или нет. Ты сама прекрасно понимаешь, судя по твоему письму,

что я испытывала в тот момент. Остаться я не могла и не хотела медлить, потому что боялась, что позволю себе какую-нибудь глупость, чем обреку себя на адские мучения.

Твоё письмо было неожиданностью для меня – твои догадки верны. Я сомневалась в том, что от тебя когда-нибудь придёт весточка, так как думала, что мой поспешный отъезд стал финальной точкой в наших с тобой сестринских отношениях. Я была так в этом уверена, что приняла как факт, что, покидая Северный Уэльс, я навсегда прощаюсь со всеми Россер.

На самом деле мой отъезд значит для меня гораздо больше, чем тебе могло показаться. Я отрезала себя от валлийской части моего рода, в Лондон я приехала как Руни О'Рейли Хорсфорд.

Насчёт восстановления Нерис-Хаус – ты права, особенно сильно пострадал, и я уже начинаю его восстановление. Плохо понимаю, сколько времени у меня это отнимет, но кольцо, что ты мне передала, возможно, поможет мне быстрее сделать хотя бы кровлю и окна. Так что я очень благодарна тебе за него! Ты настоящая сестра. Но надеюсь, что ты не выкрала его ради помощи мне. Твой отец человек жестокий, бессердечный и чтящий традиции рода; если он узнает, что ты отдала мне семейную реликвию, чтобы я её продала, а деньги потратила на дом чуждых ему родственников, думаю, он будет тобой очень недоволен. Я боюсь его расправы над тобой.

Ко всему твоя посылка разбудила во мне свойственным всем Россер любопытство. Вельзевул – неужели так действительно звали кого-то из наших предков? Ведь дать такое имя ребёнку то же самое, что и проклясть его. Мне очень интересно узнать подробности. И по мимо этого мне интересно узнать, что изображено на гербе семейства Россер? Печать на письмо слишком маленькая, чтобы что-то разобрать – отчётливо видны лишь корона и лев, поэтому я очень надеюсь на то, что ты всё опишешь мне в ответном письме.

Береги себя, пожалуйста, Эйра.

С любовью твоя сестра

Руни О'Рейли Хорсфорд.

24.09.1922 г.»

Ответ Руни был не таким сердечным как письмо Эйры, и Руни подумала, что должность быть какая-то обида в ней всё ещё присутствует, а Эйра очень жаждет получить её прощение, поэтому в конце письма она всё же добавила:

«P.S. Я не против, моя дорогая, вести с тобой переписку. Как бы далеко ты ни была, ты всегда рядом – в моём сердце, и я хотела бы сохранить с тобой теплые, доверительные отношения».

Теперь она была более чем удовлетворена своим письмом. Конец был наполнен нежностью и точно бы вызвал у Эйра приятное послевкусие. В какой-то степени она понимала, как действительно сейчас тяжело её сестре. Она совершенно

другая, отличается от своих родственников кардинально, и в холодных, пустых стенах замка Атурбарин изнывает от тоски и скуки.

Оставалось только купить конверт, подписать его и отправить письмо, и она сделала это в понедельник по дороге на работу.

После успешно написанной статьи о погоде отношение к Руни у многих изменилось. Близнецы приветствовали её широкими улыбками и взмахами правых рук, а Эндрю проводил её недовольным взглядом, когда Руни вошла в кабинет. Во время планёрки Марго криво, но явно одобрительно улыбнулась ей, а затем, отдав распоряжение Марку и Эрнесту, вновь внимательно посмотрела на неё, отмахиваясь от остальных, давая понять, что сейчас она занята.

Закурив и выпустив большой клуб дыма, она обратилась к своей новой подчинённой:

– Ты вчера хорошо постаралась, сам Энтони Бланш вчера оценил твой необычный подход. Знаешь, тебе следует придумать псевдоним, слишком это будет привлекать внимание, если у нас будет писать статьи Руни Россер, внучка самой госпожи...

– Госпожи..., – Руни покачала головой не совсем понимая, о чём идёт речь, – ты про мою бабушку? Миссис Хорсфорд?

– Именно про неё, – ответила Марго, коротко кивнув, – так что я жду до конца этого дня твой псевдоним, подумай –

придумай что-нибудь. И насчёт статей, твой необычный подход в описаниях очень порадовал Энтони, так что он дал кое-что, что ты должна написать.

– Хорошо, что именно? – спросила Руни, глядя Марго в глаза.

– Это скандальная история, – Марго развернулась к своему столу, крайне неприлично перевисла через него, демонстрируя резинку своих чулок, и в таком состоянии открыв верхний ящик, достала из него блокнот. Смочив палец об язык, она стала активно перелистывать страницы, глаза её бегали, и в итоге, громко хмыкнув, она протянула блокнот Руни.

На раскрытой странице было написано: «Развод мистера Эшли Дон и Барбары Грей». А к соседней странице с помощью скрепки была прикреплена небольшая чёрно-белая фотография, на которой был изображен мужчина с глубокой грустью в глазах – Руни сразу же это заметила, как перевела на него взгляд.

– Это мистер Эшли? – спросила Руни внимательнее приглядываясь к фотографии.

– Да, и Энтони очень хочет, чтобы так же красочно описала его внешность, небольшая статья просто о том, каким ты его видишь, – ответила Марго, – не переживай, итоговый вариант статьи про их развод будет подписан под вашим совместным авторством. По секрету, Энтони боится, что у него не получится так мастерки описать то, что видит в нём.

– Но одно ли мы видим в мистере Эшли? – спросила Руни, возвращая взгляд на Марго. – Я вижу несчастного мужчину.

– Ага, я тоже, все видят, ведь мистер Эшли вернулся с войны без ноги, потерял бизнес, а его жена уходит к другому, – ответила женщина, стряхивая пепел прямо на пол, – ну, как? Ты возьмёшься за это?

– Да, – ответила Руни и направилась к своему столу.

Машинка Руни до этого была в использовании много лет, поэтому иногда случались сбои в работе из-за её небольших поломок. На самом деле с ней происходило то же самое, что и у большинства печатных машин – друг за друга цеплялись поршни соседних друг к другу букв. Руни всегда справлялась с этим сама, возмущённо что-то произнося себе под нос. Обычно это были жалобы на судьбу: «Какой кошмар! За что мне это?». Когда ей всё же удавалось починить печатную машинку, её руки обычно были испачканы в чёрной краске. Руни ещё с военных лет привыкла не просить помощи, справляться со всеми сложностями своими силами, и даже если и позволяла себе эмоции, но всё равно спешила закатать рукава и приняться за починку своей печатной машинки. Она не просила помочь даже Клема, который сидел практически вплотную к ней. Поэтому сегодня, когда она печатала статью, которую попросил лично сам Энтони Бланш, она надеялась, что никаких форс-мажорных ситуаций с её машинкой не возникнет. Но словно назло, когда она практически закончила соседние «Е» и «R» запутались.

– Чёрт! Как я уже замучилась! – крикнула Руни на печатную машинку, совсем позабыв, что в кабинете она не одна.

– Хватит, Руни, – проговорила Марго, а затем затянулась, как и обычно она держала между пальцев зажжённую сигарету, – отнеси Энтони то, что уже готово. Пусть посмотрит.

Руни кивнула, соглашаясь с начальницей, взяла листы бумаги и встала со своего места. Уходя из кабинета, она даже не обернулась на Клема, её в первую очередь беспокоило одобрение или осуждение мистера Бланш. Стуча каблукками, она ушла в другое крыло здания, дошла до его кабинета и остановилась у двери. Абсолютно номинальный стук, и она вошла внутрь. Энтони не курил, в его кабинете было свежо и приятно пахло, здесь Руни могла позволить себе глубоко вдохнуть, в отличие от кабинета журналистов, где всегда было накурено. Он сидел за своим большим столом, сжимая в левой руке телефонную трубку, а в правой – прошлый выпуск газеты. Он был с головой погружён в работу и явно чем-то недоволен.

– Мистер Бланш, – заговорила Руни, – я принесла то, что вы просили – статья о...

– Да, мисс Россер, положите, пожалуйста, мне на стол, я посмотрю чуть позже, – ответил он ей и в ту же секунду закричал в трубку: – Как это понять? Как можно было сделать опечатку на первой же странице?

Понимая, что у неё есть высокая вероятность попасть под горячую руку, Руни положила свою статью на рабочий стол

главного редактора и поспешила выйти из кабинета. Оказавшись снаружи, она тяжело вздохнула, поправила юбку и направилась обратно к себе. В мыслях её было пусто, она думала лишь о том, что её статья должна понравится мистеру Бланш, поэтому, когда она вошла в кабинет журналистов замерла от неожиданности. Клем наклонился над её столом, а точнее над печатной машинкой и своими недлинными пальцами аккуратно расправлял поршни соседних букв «Е» и «R». В этот момент он закончил, кончики его пальцев оказались окрашены, но он не обратил на это внимание и просто вернулся за свой стол.

Пройдя к своему месту, она даже не знала, что ему сказать. Она была в такой растерянности, что забыла про элементарную вежливость. Но вечером под самый конец рабочего дня, Клем вдруг поднял на неё взгляд и серьёзно спросил:

– Как машинка? Не цепляется?

– Нет, всё хорошо, – ответила Руни понимая, что у неё появилась возможность поблагодарить мужчину, – спасибо большое, что починил.

– Не за что, – ответил он, и оба продолжили свою работу.

С этого момента началась активная работа Руни, Марго более не жалела её. Обращалась к ней строго, порой даже грубо, поручая сложные задания и теперь Руни была обязана отписывать три, а порой и четыре статьи в день. Эрнесто и Марко очень старались помогать, когда были в издательстве,

а если их не было – Руни понимала, что положиться в принципе она может только на себя.

Руни не могла назвать себя хорошим автором статей. Всё, что она писала, сначала вычитывала Марго, а после и сам Энтони, и каждый был чем-то недоволен. Марго, выкуривая сигарету за сигаретой и совершенно не контролируя куда осыпается пепел, указывала Руни на ошибки и недочёты, после чего возвращала статью на доработку. И, когда она всё же считала статью достойной печати, несла её с работами остальных журналистов на согласование к мистеру Бланш. Руни в этот момент сидела напряжённая, натянутая как струна и надеялась, что главному редактору понравится её статья, но каждый раз материал возвращался к ней для исправления ошибок. В итоге её материал всё равно выходил в свет, но после стольких правок, что Руни не чувствовала уверенности в своих силах. Она понимала, что многим вещам ей ещё предстоит научиться, поэтому молча терпела, принимала критику и старательно продолжала свою работу.

Клем видел, как Руни переживает, когда её работы у Энтони, но не спешил её успокаивать и поддерживать. Не поднимая на неё взгляда, он продолжал свою работу. Но однажды Марго принесла статью Руни будучи крайне сердитой. Она даже не закурила – её руки трясло с такой силой, что у неё не получалось поджечь сигарету. Убрав её за ухо и громко стуча каблуками, она быстро подошла к столу Руни и бросила перед ней её статью.

– Как ты думаешь, Руни, – начала она громким и властным голосом, – это можно назвать качественной работой? Что это? Мы не видим, чтобы ты старалась.

Руни смотрела на Марго, не веря своим ушам, и плохо понимала, как парировать такое нападение. Руни могла бы начать оправдываться, но это разозлило бы Марго только сильнее. Да и от оправданий не было бы никакого толка, она бы могла что-то проямлить, но стоило ли оно того, Руни не знала.

– Знаешь, Руни. Если ты хочешь здесь остаться, тебе придётся очень постараться! – властно и строго произнесла Марго. – Энтони очень недоволен. Перепиши статью, полностью.

– Будет сделано, – ответила Руни, плохо себя слыша, а Марго развернулась и ушла к себе, окинув других журналистов холодным и жёстким взглядом.

Руни хотела бы взяться за работу в ту же секунду – дрожащими руками она взяла статью, но в голове не было ни одной ясной мысли. Она начала перечитывать материал, чтобы понять, как именно правильно было бы начать новую версию статьи, но её мозг категорически отказывался обрабатывать информацию и генерировать новые идеи. Буквы не складывались в слова, читаемое не имело никакого смысла, в статье не было никакого значения, и Руни просто скользила взглядом по листу бумаги. И через долю секунды из её глаз потекли слёзы. Горькие они скользили по её щекам и срывались вниз на гладкую поверхность стола. Лист дрожал в её руках,

она отложила его и закрыла лицо руками, чтобы никто не видел её минутную слабость. Но Клем, который сидел так близко, что она ощущала его всем своим телом, не мог ни увидеть её слёз. Он немного придвинулся к ней и посмотрел на её с жалостью, после чего тихо произнёс:

– Не надо, не плач. У тебя всё получится. Хочешь я помогу тебе?

– Чем ты мне поможешь? – шёпотом ответила ему Руни.

– Просто я не могу смотреть на твои слёзы, – ответил ей Клем, и Руни невольно улыбнулась и перевела на него взгляд.

– Спасибо большое, но всё хорошо, не переживай, – проговорила она, улыбаясь и быстро вытерла щёки. Обменявшись с Клемом улыбками – нарочито счастливой Руни и горькой, жалостливой Клем, они продолжили работу.

Руни вновь взяла свою статью в руки и попыталась её прочесть. Удалось это не с первого раза, но теперь она думала не о том, что Марго отчитала её, а о том, каким чувствительным к её слезам оказался Клем.

Оставаясь преданной тому, что ей дорого, Руни не долго думала над псевдонимом, хотя она понимала, что он играет малую роль. Она взяла первое из двух имён своей матери – Эвелин, а также девичью фамилию своей бабушки Нерис – Уинн. В результате под теми статьями, что писала Руни, значилось «Э. Уинн». И только когда она увидела печатный вариант, поняла, что её псевдоним может читаться как мужское имя Энтин Уинн, и она только убедилась в правильно-

сти своего выбора.

С того момента Эвелин/Энтин Уинн жил/а только на страницах в газете, но позже она начала представляться этим именем и читателям – заказчикам рекламы и какой-нибудь статьи. При этом коллеги называли её исключительно Руни или мисс Хорсфорд, разделяя её настоящую и творческий псевдоним. А Руни поняла для себя, что если всё же допишет книгу про свою семью, то опубликует её именно под этим псевдонимом.

Можно сказать, жизнь Руни плавно налаживалась. Из Атюрбарина регулярно приходили письма, и Руни с большой радостью их читала:

«Здравствуй моя дорогая сестра!

Как приятно видеть твой интерес к собственной семье несмотря на то, как жестоко она с тобой поступила. Очень приятно, что ты не отвернулась от меня и всё так же видишь во мне не только хорошего друга, но и свою сестру, и я конечно же отвечу тебе на все твои вопросы.

Насчёт кольца не переживай, отец никогда не проверяет на месте ли оно. Думаю, он не особо печётся о его сохранности. Более того, сейчас ты узнаешь почему нашего с тобой предка не особо жаловали в принципе, и всё связанное с ним не чтут.

У нас с тобой есть общий пять раз «пра» дедушка. Он родился примерно в начале XVIII века, а умер на рубеже с XIX. Вельзевул – это его прозвище, если так можно сказать.

У нашего с тобой предка была ужасная репутация, потому его нарекли именем дьявола. Его называли так и при жизни, поэтому его настоящее имя кануло в небытие.

На самом деле сейчас сложно судить правдивая ли легенда о его злодеяниях или нет. Прошло много лет, и много воды утекло. Когда я была ребёнком, тётюшка Мэйр рассказывала мне, что его знали, как строгого, жёсткого, принципиального человека, его представляли как человека бездушного.

Одной из причин для этого называют то, что он сгубил двух своих жён. Первая – Арианвен Блевинс, стала его женой в четырнадцать лет, в то время, когда Вельзевулу было тридцать четыре года. Это разница в возрасте не кажется особо пугающей, учитывая, что в те времена это считалось нормой. Что уж душой кривить, даже сегодня можно встретить подобные браки. Но Арианвен в пятнадцать лет родила единственного ребёнка и умерла. Это был мальчик, но Вельзевул решил жениться во второй раз. Теперь его избранницей стала Оуэна Кардифф. С её семьёй мы не редко связывали себя узами брака, но реже чем с семейством Рис. На момент свадьбы Кардифф было тринадцать, а на следующий год она явила свету первенца. Прежде чем умереть она подарила Вельзевулу четырём детей, и через год после рождения младшего, в возрасте двадцати лет, то ли сама приняла яд, то ли стала жертвой отравления. И с этого момента репутация нашего предка стала стремительно

портиться.

Стали распространяться слухи, что единственная его дочь заменяет ему жену. Думаю, ты понимаешь, о каком непотребстве идёт речь. А позже в народе заговорили о том, что он никак не может побороть похоть и делит ложе со своими молодыми невестками. Слухи были настолько грязными и клеветническими, что это побудило Вельзевула в попытке заставить людей забыть про слухи отослать всех своих детей от второго брака в окрестности Абердарона, в небольшой особняк нашего семейства.

Единственная дочь Вельзевула долго там не прожила. Причин никто не знает, но голословно обвиняли её отца – однажды утром она повесилась в собственной спальне на опоре балдахина. Сейчас же бытует мнение, что члены семейства Кардифф из поколения в поколение страдали душевными болезнями. На самом деле могу тебе сказать, что я знакома с некоторыми членами этой семьи, наследником сейчас там является Теквин Кардифф, и всё семейство кажется мне очень странным.

Но плачевную репутацию Вельзевула это не умоляет, в нашей семье принято осуждать его за отсутствие в нем хоть какой-то добродетели. Возможно, в нас говорят предрассудки, возможно, он жертва клеветы своей душевно больной жены и дочери, которая позже свела счёты с жизнью, но наша семья приняла всё же сторону скончавшихся женщин, ведь Вельзевул несмотря ни на что прожил в Сно-

удонии почти сто лет, а позже просто исчез. Возможно, из-за его ужасной репутации его похоронили отдельно от всех, не поставив даже могильного креста.

Теперь же хочу рассказать тебе про наш герб. Думаю, это скрасит впечатление от письма, в котором я писала вещи, которые могут привести тебя в замешательство.

Герб золотой, по крайней мере его принято изображать в жёлтых и красных оттенках. Он состоит из основных составляющих: золотой фон в форме щита, и девиз рода – *Teurngarwch ac anrhydedd* изображенный на красной ленте по низу, что на английский переводится как «Верность и честь», на щите располагается красный лев, стоящий на задних лапах, вокруг него по разные стороны щита шесть красных роз, а над ним сверху – королевская корона.

Символы просты в понимании. Золотой щит олицетворяет богатство рода Россер, лев, стоящий на задних лапах, говорит о силе и мужестве, корона символизирует наше благородное происхождение и высокие идеалы. А роза всегда была нашим главным символом, или даже скорее её другая интерпретация – терновник. Колючий куст символ нашей стойкости, отваги и терпения, которые мы прикладываем для достижения желанного результата несмотря на череду трудных испытаний. А сам цветок розы олицетворяет достигнутый успех, символизирует нашу способность расцвести несмотря на невзгоды и тяжёлые судьбы. Шесть прекрасных бутонов, которые символизируют наше единство

и гармонию.

Я ответила на беспокоящие тебя вопросы и, думаю, смогла успокоить муки твоего любопытства. Теперь ты знаешь о таком пятне на нашем семейном древе, как Вельзевул Россер. Самая противоречивая личность в нашей истории, которую несмотря на сомнения принято осуждать. Само его имя, под которым он ушёл в историю, обязывает нас не отзываться о нём положительно, ведь чистой души человек не мог бы обзавестись таким прозвищем. Но не думай об этом слишком много, продай его персть и вложи деньги в дом. Я считаю, что это будет лучшим способом хоть как-то обелить память о нём. Возможно, ангелы сжалятся над нами, и я смогу разыскать его настоящее имя.

Если у тебя имеются вопросы, или любопытно что-то ещё, то спрашивай и не стесняйся. Я с огромным удовольствием всё тебе расскажу.

Твоя сестра Эйра Россер.

01.11.1922 г.»

Из-за регулярной переписки с сестрой Руни нередко вспоминала Северный Уэльс. Что характеризовало Россер, так это их сдержанность, чрезмерная роскошь обители их не прельщала. Даже замок лордов Сноудонии, пусть и снаружи восхищал своими размахами, но внутри выглядел как уютная пещера. Мебель была тяжёлая и громоздкая, на полу лежали ковры из шерсти, а каменного низкого потолка можно было легко коснуться рукой. При этом каминные трубы были высо-

кими с большим очагом, в котором треща горели колотые дрова. По крайней мере так было на первом этаже. На втором этаже потолки были выше, потому что именно там находился бальный и фуршетный залы, которые на самом деле были одним посещением, разделённым на двое с помощью арок из колонн и сводов потолков. В части, где кружили в вальсе пары, стояли небольшие тахты, но пространство было полностью освобождено для танцев. В части же помещения, где стояли столы, на полу был расстелен большой зелёный ковёр. "Россеры" в принципе любили окружать себя именно этим цветом, так как он ассоциировался у них с их благородностью происхождения. Это был глубокий, насыщенный зелёный – королевский цвет. И на самом деле этот замок мог быть очень уютным местом, если бы в нём не проживали столь неприятные люди.

Не успела Руни написать сестре ответ, как вновь пришло письмо от Эйры.

«Моя милая сестра, я вновь приветствую тебя!»

Понимаю, что ты сейчас обдумываешь ответное послание, но я хочу рассказать тебе ещё кое-что.

После того, как я написала тебе про Вельзевула, я вдруг задумалась. У моего отца ведь тоже были две жены, и обе рано скончались, но его ведь не величают именем дьявола. Первой его женой является девушка из древнего, distinguished рода, но к моменту женитьбы полностью обнищавшего. Эта женщина даже хотела уйти в монастырь,

чтобы иметь хоть какую-то крышу над головой и кусок хлеба. Наблюдая за Уэйном, я понимаю, что она была очень красивой и нежной женщиной, но, к сожалению, у нас нет ни единой её фотографии. Её звали Имхэйр Ирвинг. Зная своего отца, я не понимаю, почему он решил жениться на ней. У неё не было ничего кроме имени. Возможно, до её кончины мой отец был совершенно другим человеком. Более чутким. Более нежным. Способным на глубокие чувства. Когда же его первой жены не стало, он решил жениться во второй раз. Это уже была моя матушка. Он сделал это, думаю, не из глубоких чувств к ней, а из надобности наследников. Моя мама была из "Рисов", поэтому это скорее была дань традиции нежели сердечный позыв. Думаю, это был договор и равнозначный обмен. Моя мать вышла замуж за одного из Россер, а младшая сестра моего отца вышла замуж за одного из Рис. Одна из старых служанок однажды рассказала мне, что брак именно с моей мамой планировался изначально, но мой отец из-за чувств к мисс Ирвинг отказался от него. Брак не был благословлён. И только после смерти этой женщины мой отец согласился на те условия, которые перед ним ставили его родители, а то есть женился на моей матери.

Когда моя мама умерла, я была ещё совсем маленькая. Я практически её не помню. Только запах едва и лёгкое прикосновение рук. Слуги немного рассказывали мне о ней, отец же вообще никогда ничего о ней не говорил, словно её и не было

никогда. Он в принципе никогда не заговаривал о своих жёнах, как будто бы у нас с Уэйном никогда и не было матерей. Нам о матерях рассказывали слуги. Например, у нас работала прачка. Она рассказывала мне, что моя мама всегда казалась очень здоровой женщиной. Она была крепкой, с ярким румянцем, все пророчили ей долгие годы жизни. Никто не мог предположить, что её не станет в таком молодом возрасте. Моей маме было двадцать лет.

Мне рассказывали, что у неё был стойкий, крепкий характер, но при этом она любила посмеяться, была очень жизнерадостной. Её брат при этом, который стал мужем моей тётки, по слухам отличался от неё мягкотелостью, болезненностью и был склонен к упадническому настроению. Про мою маму шутили, что она вышла из викингов, а никак не из кельтов. Сильная, крепкая и бесстрашная – молот среди бабочек из семейства Рис. И однажды она легла спать и не проснулась утром.

"Рисы" всегда очень сильно отличались от "Россеров" тем, что они обладали врождённым чувством такта и были примером изысканных манер. В какой-то степени они пытались создавать такое впечатление в связи с тем, что существует легенда, что они пусть и дальние, но родственники королевской семьи – существовало когда-то валлийское королевство Дехейбарт. Но почему-то это не передавалось по наследству от матери детям, если её мужем был кто-то из Россер. Я тому пример, я не обладаю ничем, чем об-

ладада моя мать. Я даже внешне на неё совершенно не похожа. У меня осталось несколько её фотографий, и с горечью на сердце могу заключить — я слишком сильно похожа на отца, чтобы узнать её во мне. Заявись я в особняк семейства Рис, они бы не смогли сказать в каком я состою с ними родстве. Они будут с полной уверенностью заявлять, что во мне нет ни капли их крови. Признаюсь, скажу, как на духу — меня очень сильно это ранит. Я бы хотела, чтобы мама была со мной, пусть её и нет в живых. Чтобы она проявлялась во мне особенностями повадок, смешиливостью и жизнерадостностью, крепостью характера и врождённой уверенностью. Но у меня совершенно ничего нет от неё, ни внутренних проявлений, ни схожести во внешности. Я родилась Россер, дочерью пусть и благородного, но всё же бесславного рода. А моя мать, пусть и похоронена под фамилией мужа, от рождения до смерти оставалась именно Рис и не изменяла ничему из того, что обычно свойственно им — она всегда была истинной леди.

Прости, вероятно я ушла слишком далеко в свои переживания, но при этом рада, что у меня есть человек, которому я могу про них рассказывать — моя замечательная сестра.

Я рассказала тебе то, что хотела и, мне кажется, довольно на этом.

Очень жду твоё ответное письмо!

Твоя сестра Эйра Россер.

02.11.1922 г.»

Руни с полной уверенностью могла сказать, что её сестра очень скучает. И не только потому, что Руни уехала в Лондон, но и потому, что жизнь в Атюрбарине не была наполнена какие-либо интересными событиями. В голове она иногда могла представить жизнь в Сноудонии: одинокой Эйре не с кем было даже поговорить по душам, так как Кэтрин и Гвинет птицы другого полёта, тётушка Мэйр, вероятно, стала бы осуждать её за то, чем та хотела бы поделиться, никаких подруг у девушки так же не было, единственный, с кем Эйра могла поделиться душевными переживаниями был её брат Уэйн, но вряд ли он проводил с ней достаточно времени, ведь он главный наследник и теперь женат. Но стоило подумать об этом, как сердце Руни обжигало острой болью. О мужчине она старалась не думать, но каждый раз, когда она получала письмо от сестры, невольно задумывалась о нём и переживала, не написала ли в своём письме Эйра и о нём что-нибудь. И каждый раз в письме она ничего о нём не находила, а затем спешила садиться за ответное письмо, чтобы её сестра не мучилась от ожидания и одиночества.

«Здравствуй моя дорогая сестра.

Приятно было получить от тебя сразу два письма, теперь я спешу ответить на всё то, что ты мне рассказала.

Насчёт Вельзевула – я с тобой согласна. Судить сегодня о том, что происходило в прошлом, очень сложно. Достоверная информация могла просто не дойти до этого дня. Но в любом случае крайне прискорбно, что род Россер знаменит

не благодетелями, а крайне скандальными личностями. Надеюсь, таких больше в нашем семействе нет, не было и не будет.

Насчёт нашего с тобой происхождения, то у нас с тобой абсолютно противоположные чувства. Какие у нас с тобой противоречивые чувства. В то время, когда ты так хочешь быть похожей на свою мать, быть не похожей на Россер, меня всю жизнь учили быть похожей именно на них. Я росла убеждённая, что во мне слишком много валлийской крови, чтобы считаться англичанкой, но если посмотреть мою родословную, то я кто угодно, но только не Россер. Моя бабушка, в честь которой назван особняк, была англичанкой, так было принято считать в обществе, но род её начинался из валлийцев, именно поэтому второе её имя было как твоё первое – Эйра. Его дали ей в честь её бабушки-валлийки Эйры Кадваладр, но они из поколения в поколение заключали браки именно с англичанами.

Моей прабабушкой так же была англичанка, урождённая Доусон. Но родство с англичанами, каким бы долгим и мучительным не было противостояние между англосаксами и кельтами, не худшее, что ей в моей родословной. Мой прапрадед Арвель Россер взял себе в жёны итальянку. Она была из благородной семьи, вместе с отцом они прибыли в Англию в числе итальянских послов. Девушка была взята с собой с целью разнообразить её досуг, показать столицу Британской империи и всего мира. Она практически не говорила

на английском, ходила всюду со своей служанкой, которая исполняла роль переводчика. Однажды проводился королевский бал, и именно там её заметил Арвель. Ради неё он нашёл себе учителя итальянского, приобрёл пару карманных словарей и стал искать с ней следующей встречи. Он не дал ей покинуть Англию, он одаривал её разнообразными подарками, был её самым преданным кавалером и спутником на торжественных вечерах и точно не давал ей скучать. Он растопил её сердце, ради него она стала учить английский и отказалась от возвращения в Италию. В итоге они поженились. Наверное, в нашей семье никто никого так не любил, как Арвель свою горячую нравом итальянскую жену. Она подарила ему двух сыновей, но климат туманного Лондона, дождливого и промозглого совершенно не подходил привыкшей к долгому солнечному лету и бесснежной зиме. Она часто болела и быстро из живой и энергичной превратилась в нервную и больную. Но мой прапрадед прощал ей любые капризы. Как бы они ни ругались, он всегда приходил просить прощения первым, даже если был абсолютно прав. К жене, особенно когда её здоровье ухудшилось, он относился как к одному из своих детей, по-отцовски мягко, вторил всем её словам и наказывал слуг, если считал, что в расстройстве его жены виновато их неисполнительность. Никто не смел высказывать иное мнение, что ни говорила бы его жена, это всегда считалось неоспоримой истинной. В какой-то степени, это действительно было так. Лорен обладала чутким

умом, любила читать, была внимательна к мелочам и часто подмечала то, что её муж упускал. Каждый раз, когда она открывала рот, он испытывал настоящее восхищение. Нередко приводил свою жену в пример настоящей женицины. Он пережил свою жену на пять лет. И могу сказать, он просто отказался от жизни без неё. Она умерла от сахарной болезни в сорок пять лет, и её смерть он не перенёс. Если пока она болела, но всё ещё держалась за мир живых, он был весёлым, легким на подъём и обладал недюжинным терпением, то, как только её не стало, он замкнулся в себе. Всё это писал в своём дневнике его старший сын. Он описывал своего переменившегося отца как несдержанного, импульсивного, но нелюдимого, необязательного человека. Он отошёл и практически не появлялся внизу. Большую часть времени он был в хозяйской спальне, которая принадлежала ему и его покойной жене. Неизвестно, как он был способен столько времени проводить в замкнутом пространстве, но он не выходил неделями, а когда слуги приносили ему еду на подносе, то обычно заставляли его в ужасном состоянии, похожем на помешательство. Он повторял: "Я всегда называл тебя сладкой, моей медовой, это я приманил к тебе эту болезнь!". Он называл её "honeу" на валлийский лад, из-за чего получалось непереводаемое ласковое прозвище, которым он не чурался звать её даже в обществе. Пять лет самоистязаний – это долгий срок. Удивительно, что он протянул так долго, вероятно, это следствие того, что он обладал

крепким физическим здоровьем. Особняк отошёл к старшему сыну, ему тогда было двадцать четыре года. Он перенял на себя семейные дела и помогал отцу спокойно дожить оставшиеся ему годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.